

18+

БРАТЬЯ ЮТ

РОЖ

Братья Ют Рок

<https://litres.ru/48897108>

ISBN 9785005096142

Аннотация

Память делает нас людьми. Её силам и возможностям нет предела. Здоровый мозг ничего не забывает. Время не исцеляет — просто человек привыкает жить с болью. Страшнее всего остаться без воспоминаний. Если по какой-то причине событие не помнят все окружающие — этого не было. Этот Остров может забрать все воспоминания, но дать новую жизнь. Он может сделать тебя своим Богом, либо своей пищей. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

БРАТЬЯ ЮТ	5
РОК	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
Глава 1	14
Глава 2	37
Глава 3	58
Глава 4	75
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Рок

Братья Ют

Дизайнер обложки Армен Унанян

© Братья Ют, 2026

© Армен Унанян, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0050-9614-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БРАТЯ ЮТ

РОК

Пролог

Он поднимался в воздух.

Что такое отсутствие точки опоры для нового бога? Лишь усилие мысли, и он — творец мироздания.

Его не интересовало, мог ли кто из местных заметить взлетающее чудо. Теперь они паства, и Говард Кинг поведёт их за собой.

Остров раскинулся под ним во всё своём изумрудном великолепии. Тончайшее платье леса, накинутое на едва тронутую холмами землю. Жёлтый бархатный окоём, как тесьма на краю полотна. Человеческий посёлок лежал на одном таком расшитом краешке. Отсюда домики казались игрушечными, ненастоящими. По сути, для него теперь они такими и были вместе с фигурками своих хозяев. А в самом центре ярко сверкало на солнце сердце неровного клочка суши — средоточие силы. То самое озеро, откуда всё началось. Или только начинается?

Говард знал, что в будущем будет очень часто подниматься сюда, осматривая свои ограниченные владения. Золотая клетка для карманного божества. Но и этого уже довольно много.

А ещё он понимал, что больше не будет вспоминать свою

прежнюю жизнь, обрубленную лезвием рока в тот момент, когда нога Кинга ступила на песок безымянного острова.

На самом деле, он уже начал потихоньку забывать. Память слишком нестабильная штука для существа, у которого в запасе вечность. Пусть ей довольствуются смертные, пусть они стараются схватить как можно больше ничтожных осколков собственных ошибок и крайне редких моментов счастья. Для Говарда память — лишняя иллюзия реальности мира.

Он взмахнул рукой и отправил безмолвный приказ в глубины океана вдали на юго-западе. Ему не нужно было видеть, что именно происходит под толщей воды.

Литосферные плиты дрогнули. Ударная волна от едва пришедших в движение и тут же успокоившихся гигантских пластов земной коры начала медленно расходиться в стороны, фокусируясь в точке, нужной Кингу. Этот толчок должен вытолкнуть воздушный пузырь со дна океана и нарушить хрупкий природный баланс. В результате такой игры родится приливная волна. Волна достаточная, чтобы заставить местных жителей потерять любую надежду. Как только кто-то из них разглядит на горизонте тёмную полосу, растущую прямо на глазах в невероятную чернеющую водную грядку, как только люди попадают на колени, понимая, что спасения от такого просто не бывает, и когда они взмолятся своим примитивным божкам, тогда — и только тогда — спуститься Он. Бог, который слышит.

А тем временем, в совершенно другой стороне, более рассеянная, но не менее мощная, приливная волна, запоздав в своём формировании на месяц из-за непредвиденных переменных в перепаде давления и ещё нескольких факторах, обрушится на Филиппины. Долгий процесс завершится рождением супер-тайфуна Хайян. Пятый супер-тайфун Тихоокеанского сезона тайфунов 2013 года. Кошмарная трагедия, которая унесёт почти 6000 жизней ни в чём неповинных людей.

Всё это Говард уже знал.

Впрочем, проблемы экологии, вымирание видов, смена магнитных полюсов и прочие трагедии никогда особо не заботили Говарда Кинга. А жертвы — неизбежная цена его славы.

Однако ни приливная волна, ни тайфун ещё пока не образовались, потому он висел над островом и ждал.

Был момент, когда Кинг даже не мог помыслить, кем станет.

Когда-то очень давно вера в магию превратила миленького, но замкнутого мальчика Горди в ещё более закрытого подростка. Тогда он сбежал из дома, чтобы творить чудеса. И, конечно, успеха не добился. Безвестный ободранный парнишка не смел даже помыслить больше, чем о паре баксов на грязных улицах мегаполиса за свои простенькие выкрутасы с картами и монетками.

Чтобы научиться творить чудеса, ушли годы. Именно на

улице его заметил один человек, профессиональный фокусник и любитель древностей и дикувинок. Видимо, что-то такое он разглядел в оборванце, который ловко управлялся длинными пальцами с медными кругляшами: водил их по ладони, вытаскивал из-за уха у случайного зрителя, успевая при этом забраться к тому в карман.

Вскоре Говард уже помогал на сцене и брал уроки у самого Мориса Мемента — признанного во всём мире иллюзиониста и творца небывалых шоу! Гений своего времени, Морис зарабатывал огромные деньги и мог позволить себе блажь учить беспризорного мальчишку.

Он делал успехи, ему нравились похвала и признание. Однако великий шоумен оказался обладателем скверного характера и любителем юношей со смазливой внешностью. Поэтому вскоре Говард отправился в вольное плавание после нескольких неприятнейших сцен.

Морис лишь усмехнулся и сказал, что подобного упрямого и гордого мальчишку, слишком много мнящего о себе, никогда не примет публика. Говард был слишком пресным.

Великий иллюзионист получил в челюсть после таких слов. И Говард считал, что прав.

Так закончилось обучение. Однако персональная карьера никак не шла в гору, и он становился всё мрачнее с каждой неудачей и отказом. Почти десять лет прошли в совершенно незавидном положении заштатного фокусника без перспектив.

А ещё позже были недолгий период признания и миг славы. И женщина. Но всё пошло прахом.

Возможно, злая судьба всю жизнь строила ему козни просто ради того, чтобы в конечном итоге привести сюда, на остров, где исполняются все мечты?

Он не думал о подобном. Нынешнее всеведение оказалось не абсолютным.

Да, Говард ясно осознавал границы своих новых сил. Его новый хозяин не желал давать безграничную власть просто так. Сначала необходимо воплотить в жизнь План подземного бога, а затем уже пожинать плоды великой силы и вседозволенности.

Наконец, он заметил на горизонте волнение. Воды океана взбунтовались и плавно двинулись в направлении острова.

Кинг удовлетворённо кивнул.

Волны, пенясь, неслись всё быстрее, набирали мощь и агрессию, словно гневный ответ Посейдона жителям Земли за бесконечное загрязнение планеты, за весь причинённый вред. Изредка на поверхности чудовищного морского тарана вспухали и тут же опадали горбы, как у диких бизонов. Жуткое оружие подводного мира, казалось, имело собственный разум и не желало попусту тратить силы.

Кинг продолжал наблюдать.

Вот в панике забегали мелкие фигурки людей на берегу и между жилищами в тщетных попытках хоть что-то предпринять перед лицом непреодолимой угрозы. Он видел, как

матери хватали детишек и тащили в дома, надеясь спрятаться и переждать стихию.

Кинг лишь качал головой.

Рыбаки жгли горючее и двигатели тщедушных катеров, надеясь выбраться на берег, будто что-то могло их там спасти. Самые расторопные из них уже неслись по пляжу. И им было совершенно плевать на товарищей, на соседей, с кем не раз доводилось вместе рыбачить, помогать по мелочам, или же от кого иногда сами получали помощь. Перед лицом смерти каждый думает о собственной душе. И подтверждает тем самым её отсутствие.

Кинг улыбался.

Очевидно, что первые поселенцы понимали свою обречённость, когда ещё только строили эту деревню. Конечно, когда-то давно здесь успели даже положить асфальт на центральной улице, видимо, возводя иллюзию безопасности. Однако при взгляде со стороны становилось очевидно, что посёлок не пережил бы никакой мало-мальски сильный шторм.

Над островом начали сгущаться тучи. Резкий перепад температуры, которому Говард слегка помог, способствовал резкому испарению воды в этой зоне, что грозило настоящим шквальным штормом.

Кинг решил, что пора.

Настал миг, когда случайная женщина схватила плачущую соседскую девчущку и крепко прижала к себе. Мрач-

ная чёрная волна закрыла собой не только горизонт, но и всё в пределах видимости. И люди бежали сломя голову, совершенно позабыв о других, топтали друг друга. И тогда в общей суматохе пожилая женщина подняла взгляд в небо. Она хотела в последний раз взмолиться Господу, желая только одного — чтобы Он спас эту малютку, не дал ей сгинуть в холодных океанских волнах.

И она узрела Кинга.

Вначале всё показалось ей безумным миражом. Не могла поверить в то, что наблюдала.

Мужчина развёл руки в стороны и медленно спускался с неба, не обращая внимания на царящую суматоху и панику. Он мягко улыбался и молчал.

...А тучи за его спиной расходились, успокаивались, вновь открывая дорогу солнечным лучам и забирая с собой ветер. Становилось светлее. Однако почти никто не замечал: первобытный ужас и инстинкт гнали человечков прочь от берега, не позволяя даже смотреть по сторонам. И женщина услышала громогласный голос, рухнувший всем на плечи:

— Стойте!

Она не могла закрыть глаза, как бы ни хотела. Заворожено наблюдала за явлением чуда господня, не отводя взгляда. Удивительно, но многие тоже слышали тот голос. Это подтверждало, что старая женщина не выжила из ума. Люди останавливались. Кто-то, потеряв самообладание, падал на колени, вопя, что их молитвы услышаны. Некоторые успева-

ли пробежать ещё какое-то расстояние, но тоже постепенно замирали и поднимали головы.

— Бежать бесполезно! Спасенья от стихии нет! Но я здесь! Я спасу вас!

И Говард резко взмахнул обеими руками, будто разрывая нечто огромное пополам.

И гигантская волна треснула ровно посередине, как раз напротив деревни, словно её разрубил огромный волнолом.

Людской крик замер на одной высокой ноте, заставляя вибрировать души.

Две волны разошлись в стороны от посёлка, рухнув на пустынные джунгли, ломая и вырывая деревья и сдвигая вековые валуны с насиженных мест. Стихия прошла по поверхности суши, оставив за собой великие разрушения, но ни единой солёной капли не попало на созданное человеком в этом отдалённом от цивилизации месте.

Жители острова пали на колени.

Говард опустился на песок.

— Я пришёл, чтобы вести вас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2019 год

Глава 1

«Её нет уже 1.095 дней. Хочу перестать считать! Сегодня. Сегодня всё закончится»

Небольшой катер плавно идёт по еле ощутимым волнам. Он очень старый: на борту ржавчина, а мотор за весь путь несколько раз издаёт хлопок, похожий на холостой выстрел.

Солнце успевает преодолеть половину пути, устремившись в сторону горизонта по правую руку. Редко слышатся короткие крики чаек, значит земля уже рядом. Вдалеке, милях в пяти, медленно появляется остров. Его очертания уже различимы, и привлекают внимание, потому что вокруг больше ничего нет. Безграничный океан вселяет покой.

Мэтью сидит у борта, взгляд устремлён прямо по ходу движения судна. Впервые в жизни он так близко видит столько воды. Однако впечатлиться не получается. В иной ситуации подобная поездка подарила бы новые эмоции. Но в данный момент он не может думать ни о чём абстрактном.

Информации об этом уголке Земли в свободном доступе не так много. Максимальная высота над уровнем моря

не превышает ста метров, а восемьдесят процентов площади занимают тропические джунгли. Численность населения, по данным пятилетней давности, около тысячи человек. Так или иначе, люди явно создали здесь сносные условия для жизни. Цивилизация полноценно добралась сюда лишь в начале века: успели поставить один-единственный генератор электроэнергии, наподобие мини гидроэлектростанции. Осветили пару улиц. Часть суши, где расположено поселение, заасфальтировали. Затем, видимо, забыли. Бедное государство не стало тратить лишние ресурсы на богом забытый остров.

Аккуратные одноэтажные домики выглядят очень хлипко и вряд ли перенесут какой-нибудь природный катаклизм, но это никого не пугает. С интернетом большие проблемы, так же как и с сотовой связью. Мэтью никогда бы не подумал, что окажется тут — до недавнего времени он даже не знал о существовании этого места. Но дело не в самом острове, а в том, кто на нём.

Однажды Кэтти исчезла. Не пропала без вести, а именно исчезла. Ни следа, ни записки, ни капле крови или чужих отпечатков пальцев. Испарилась... Он может вспомнить точную дату, но не хочет. Достаточно другой цифры.

«1.095 дней. Больше не хочу считать!»

Здесь Мэт видит тонкую грань. Если бы случилось нечто из ряда вон выходящее, катастрофа, например, или похищение, тогда бы он считал, что любимая пропала, и произо-

шло что-то страшное. Но она исчезла каким-то даже мистическим образом. Просто утром он пришёл домой и не обнаружил возлюбленную. Отчётливо помнит, что на столе стояла кружка с ещё горячим кофе и тарелочка с зажаренными в яйце тостами. Больше ничего.

От Кэтрин не было вестей ровно три года.

«Не ровно. 2016 был високосным. Значит, должно быть 1.096 дней. Если не увижу её сегодня, тогда будет три»

Все поиски закончились провалом. В итоге опустили руки. Может, надеясь на чудо, может, банально отчаявшись, Мэтью решил просто ждать, сам не зная чего. Именно с того момента ни единого слова не получилось перенести на бумагу. И каждый раз, садясь за работу, он часами смотрел на чистый лист на экране ноутбука. Его больше не заботили ни гонорары, ни награды, ни признание критиков и читателей.

Писатель внутри впал в кому.

Хотя до сих пор от фанатов приходят разного рода письма на электронный ящик: кто-то предлагает написать книгу в соавторстве, другой выражает благодарность и восхищение за уже написанные работы, иной говорит о бездарности Мэтью. Однако мнение критиков он всегда ставит выше. Он считает, что человек, потративший годы на изучение теории литературы, стилистических приёмов, лингвистических особенностей различных текстов, знающий и умеющий применять терминологию, имеет право оценивать работы других. Что пишут шизофазные бездари, не способные связать пару

слов в одно предложение, ему не сильно интересно.

Однако неделю назад раздался звонок в дверь. Почтальон принёс очередную стопку писем, не больше дюжины (удивительно, но находятся люди, которые в двадцать первом веке пишут ещё письма). Мэтью пробежал их глазами в поисках счетов, остальные бросил в кучу в углу. Парень приходил два раза в неделю всегда в одно и то же время. На голову выше, молодой, около тридцати пяти лет. В ухе серьга, а длинные кудрявые волосы собраны в хвост.

Мэта же собственный внешний вид не заботил. К тому моменту он уже месяц не выходил из дома. Растительность на лице добралась до тонкой грани, отделяющей густую щетину от небольшой неопрятной бородки. Немытые волосы и рваный халат завершали образ.

«Я не хочу быть человеком. Слишком много памяти для одного»

«Память делает нас людьми». Так иногда говорил отец.

Однако среди тех писем оказалось одно, которое по значимости переплюнуло сразу все вместе взятые за всю его жизнь.

На лицевой стороне красивым почерком нежной женской рукой: «От Кэтрин Суон. Для Мэтью Майерса».

— Приготовьтесь, почти прибыли, — раздаётся неожиданно сзади. Владелец катера, невысокий и очень загорелый мужчина оказывается настолько жилистым, что вены прорываются на поверхность кожи. Его зовут Иша. Скорее всего,

корни генеалогического древа уходят в Индию, но Мэт не уверен.

Пассажиров всего двое. Кроме писателя на борту находится странный молчаливый тип, даже не взглянувший на попутчика и Ишу ни разу за всю дорогу.

— Замечательно. Спасибо, — отвечает Мэтью спокойным голосом, хотя внутри всё просто разрывается от предстоящей встречи.

Скоро он будет на месте. Скоро вновь увидит Кэтти!

Только мысли о ней занимали его последние годы. И вот угасшая надежда разгорается вновь.

«Чёрт, а может...»

Он одёргивает сам себя.

«Остынь. Сначала разберись со своей жизнью, а потом уже думай о новых сюжетах»

Катер приближается к суше. То, что видит Мэт, нельзя назвать портом — слишком мало причалов и никаких необходимых построек. Полумесяц гавани располагается в северо-восточной части острова. На расстоянии не больше двадцати метров от воды по линии берега сразу идут жилые домики. У единственных трёх деревянных пирсов нет ни одного судна, хотя при желании тут бы поместились, по меньшей мере, семь или даже восемь таких же катеров, как у Иши. Однако достаточно много рыбацких лодок, скорее всего, самодельных, потому как все отличаются друг от друга внешне, но выглядят одинаково кривобокими и кустарными.

Издали видно, как детишки на берегу оживляются при виде гостей, бегают по пляжу, радостно выкрикивая неразличимые слова. Удивительно наблюдать одновременно песчаный берег, усыпанный красивейшими пальмами, и асфальтированную дорогу. И всё это на фоне тропических джунглей.

Их катер сворачивает в сторону от основной гавани. Иша берёт левее, они идут вдоль берега к виднеющимся вдали отдельно стоящим постройкам. Мэт различает пять строений непонятного назначения. Справа от катера он опять наблюдает дорогу, по которой ему очевидно придётся идти до основного селения.

— Местные не очень жалуют, когда швартуешься рядом с их жилищем! — громко поясняет Иша, перекрикивая шум мотора.

Швартовка занимает удивительно мало времени. Иша в прямом смысле слова профессиональный моряк, он делал это уже тысячи раз, потому все движения выглядят уверенными и отточенными. Метров за пятнадцать до хлипкого причала он выключает двигатель, и катер, теряя скорость, легонько стучается о старые покрышки, висящие над водой по краям пирса. В эту же секунду индус спрыгивает, ухватив руками подготовленную верёвку — моряки называют её «конец». К доскам привинчены специальные металлические трубы, к ним привязывают судна.

По короткому откидному трапу пассажир неловко сходит

на пирс, который вблизи выглядит ещё более ненадёжным. И всё равно, не скрывая довольной улыбки, вдыхает полной грудью. Делая первые шаги, ему кажется, что земля продолжает качаться в такт волнам.

За перевозку катерщик уже получил свои деньги. Обернувшись, Мэтью спрашивает:

— Иша! А есть тут какая-нибудь гостиница?

Индус распрямляется, держа в руках швартовый конец.

— Почём мне знать?

— Ты разве никогда не бывал в городе?

Ответ Мэту не нравится совершенно.

— Неа. Местные странные. Ну-у, не дикари, конечно, но какие-то смутные. Чужаков не очень жалуют.

Что-то определённо не так, однако чувство тревоги пока молчит. Писатель указывает в сторону попутчика, который успевает уже скрыться за поворотом дороги:

— А этот кто такой?

— Без понятия. — Медлит секунду и неохотно добавляет:

— Я бы на вашем месте...

— Ты на моём месте «что»?

Индус хмурится, сплёвывает на песок.

— Не лезьте, куда не надобно, вот что. Знаете, мистер, я, бывает, привожу сюда людей. Однако вот обратно...

Иша спешно собирается отплыть. Он даже не сматывает конец, а бросает на палубу прямо так. Бегло осматривает мотор, хмыкает и встаёт за штурвал. Поворачивает ключ за-

жигания: со второй попытки двигатель начинает реветь. Моряк даёт задний ход и кричит на ходу:

— Я буду здесь в следующую субботу, мистер! Надеюсь, увижу вас. Не опаздывайте!

Он оставляет Мэта в смятении одного на причале. Стараюсь подавить неясные пока предчувствия, парень идёт прочь от берега.

Строения у причала оказываются ветхими лачугами без признаков обитателей. Скорее всего, они отведены под какие-то складские нужды. Он отмечает, что по другую сторону вновь видит воду. Это место походит на косу, отмель. С той стороны никаких домиков нет. И по берегу небольшой лагуны тоже. Джунгли подходят вплотную.

Путь в посёлок один, и он отправляется, ещё раз глубоко вздохнув.

Дорога действительно оказывается асфальтированной, правда, какой-то неухоженной. Видно, что автомобили здесь проезжают крайне редко. А скорее, не ездят вовсе. Всё покрыто слоем пыли и мелкими камнями.

Мэт идёт, а справа чистейшие голубые волны обнимают песчаный берег. С лёгким шипением они уходят в открытый океан и тут же возвращаются, бережно укрывая сушу. Слева — зелёная стена джунглей, настолько густых, что он не может ничего различить в глубине. Щебечут какие-то птицы, в городе таких точно не встретить. Не смотря ни на что, подобный неожиданный отпуск радует его. А возможность уви-

деть Кэтти и узнать, что же всё-таки произошло, заставляет его уверенно шагать вперёд.

До городка всего лишь пара миль, а может и меньше. Если бы не повороты дороги, скорее всего, он уже увидел бы домишки местных жителей.

Вскоре Мэтью замечает, что солнце припекает всё сильнее. Он никогда не был особо спортивным. И сейчас каждый миллиметр поверхности кожи исходит пóтом. Приходится остановиться под ближайшим пышным деревом. Хорошо хоть багаж небольшой: все необходимые вещи умещаются в один походный рюкзак.

Он обнажает торс и теперь на нём только шорты и бейсболка. На дереве краем глаза замечает нечто странное, такое, что выбивается из привычной картины и общего пейзажа. Подходит ближе.

На уровне глаз висит что-то похожее на примитивный «ловец снов». Правда, поделка очень грубая, сделанная из подручных средств: нескольких палочек и тонкой верёвки. Таких «ловцов» он не встречал: ромб с горизонтальной линией, из верхнего угла которого на тонкой нити свисает какой-то оберег, или что-то похожее. Мэт делает фото на телефон и отправляется дальше.

За очередным поворотом начинается собственно посёлок. С некоторым облегчением он видит тех самых детей, играющих на пляже, и нескольких прохожих впереди. На всём острове людей не так много, как и предполагалось, и от этого

возникает некоторое ощущение заброшенности.

Торопливо натянув футболку, Мэт направляется к ближайшему жителю. Однако при его приближении женщина — он обращает внимание на чистую, но изрядно потрёпанную одежду и бледный вид — скрывается в своей лачуге.

— Хм, — всё, что получается выдавить.

Следующий, кто встречается на пути, пожилой мужчина, сидящий у дверей небольшого, но уютного домика. Ни заборов, ни собственных участков земли перед жильём ни у кого нет. По крайней мере, со стороны улицы.

— Эй, привет! — Мэтью старается улыбаться как можно приветливей.

Старик лишь хмуро смотрит в ответ.

— Э, извините, что беспокою. Не подскажете...

Дедуля смачно плюёт себе под ноги. Отворачивается.

— Я понял. Всего доброго.

Мэт — само хладнокровие. Он и по жизни остаётся достаточно спокойным человеком, чтобы не размениваться на такие мелочи, как грубость окружающих, или необоснованная критика его творчества необразованными бездарями. А здесь ещё его ожидает встреча с Кэтти, потому он и слова не говорит в ответ на подобное отношение. В конце концов, Иша прав — местные не сильно жалуют приезжих.

Пройдя ещё дальше, Мэтью обращает внимание, что дети тоже не торопятся приближаться. Да, они с любопытством поглядывают в его сторону, но передвигаются на расстоянии

так, что бы ни в коем случае не оказаться слишком близко.

Так он добирается примерно до середины посёлка. Проходит по главной улице вдоль берега, считая, что при таком расположении она должна являться главной. Больше людей не попадается. Видимо из-за дневной жары люди не выходят из прохладных убежищ. Учитывая, что никакого особого хозяйства не видно, вряд ли здесь есть, чем заняться.

Мэтью останавливается, наострив ухо, потому как просто уверен, что слышит какой-то посторонний звук. Он раздаётся со стороны пляжа и похож на кряхтение мотора в катере Иши. Видимо, у кого-то такая же беда с двигателем.

Пройдя между двумя покосившимися и явно нежилыми хижинами, писатель выходит к воде и деревянному причалу. Единственная лодка пришвартована почти у самого берега, внутри сидит мужчина, ковыряясь в моторе.

— День добрый! — говорит Мэт, подходя ближе.

Мужчина поднимает голову, щурится и продолжает своё занятие. Да, это не приветливый индус. Мэтью решает без лишних слов прямо в лоб объяснить, что ему нужно.

— Я ищу Кэтрин Суон. Она должна быть здесь. Она прислала мне письмо с приглашением. Вот.

«Надеюсь, ты умеешь читать»

На расстоянии показывает конверт рыбаку. Тот неожиданно протягивает руку. Мэт подходит ближе, решив, что это добрый знак, и хоть кто-то идёт на контакт. Наконец-то.

Аккуратно взяв письмо за краешек, чтобы не испачкать,

мужчина внимательно читает надпись и возвращает конверт.

— Да, похоже на неё.

И замолкает.

— Э, может, знаете, где её искать?

— Пока нет.

— Что это значит?

Мужчина медлит, затем выдаёт, вытирая грязной тряпкой руки:

— Скорее всего, она работает.

— Хорошо, а искать её где?

— Нужно ждать до завтра.

— Почему?

Ответ не следует.

Вокруг сплошная идиллия: идеально чистая вода, белый-белый песок и полный штиль. Погода так и просит тебя присесть в тенёчке с коктейлем в запотевшем бокале. А он здесь пытается добиться ответа на простейшие вопросы! Но рыбак продолжает молчать.

— Так. Может, скажете, где я могу её дождаться?

— У нас нет гостиницы.

— А у кого есть лишняя койка? Я заплачу.

Кажется, рыбак раздумывает.

— У старой Риты Бор есть комната.

Отворачивается. Наклоняется к мотору.

— А она где живёт?

Мужчина вновь выпрямляется. За весь разговор его хму-

рое выражение лица едва изменилось. Складывается ощущение, что это и не человек вовсе, а какой-то робот. Но тут он хмурится ещё сильнее, и Мэт понимает, что это просто нелюдимый и грубый деревенщина. Похоже, как и все остальные на этом острове.

— Там. На окраине. — Указывает пальцем куда-то в конец посёлка, противоположный тому, откуда пришёл Мэт.

— Спасибо!

Писатель спешит убраться с пляжа, горячего песка и палящего солнца. Подальше от странного рыбака.

«Старая Рита Бор. Уже хоть что-то»

Мэтью идёт в указанную сторону, не особо понимая, что конкретно ищет. Как здесь может выглядеть отдельно взятое жилище? Вряд ли ответ можно получить от местных жителей. Над входной дверью абсолютно каждого дома висит такая же штукovina, как на том дереве. Определённо, это вовсе не ловец снов, но нечто схожее. В голове Мэта мелькает мысль, что они, возможно, потомки каких-нибудь индейцев или что-то в этом роде, и потому продолжают чтить традиции предков. Если так, то даже мило.

Мэт — убеждённый атеист. Его позиция весьма проста: он не навязывает свою точку зрения и нигде не афиширует взгляды и просит взамен того же. Естественно, не у всех получается справиться с амбициями и слепой убеждённостью. В такие моменты он просто уходит от разговора, либо вообще меняет тему.

Солнце палит до невозможности сильно. Остров недалеко от экватора. По тем данным, что Мэт нашёл в интернете, здесь не должно быть так жарко. Влажные тропики должны давать свежесть, даже если температура уходит за пятьдесят градусов. Скорее всего, это с непривычки. В городе ты просыпаешься под кондиционером, а если нужно куда-то ехать, включаешь в автомобиле климат-контроль. Да и во всех торговых центрах и офисах, в конце концов, можно спастись от жары.

Снова наблюдается некоторое запустение и отсутствие людей. Глядя вокруг, кажется, что вот он, тот самый Край Мира.

И вновь за всю дорогу попадается только один человек. Мальчик лет двенадцати, очень худой, со смуглой кожей. На голове у него панاما, а на левом запястье какой-то самодельный браслет. Поначалу он не торопится приближаться, просто стоит и наблюдает. Мэт останавливается прямо посреди улицы и тоже пристально смотрит на мальчугана. Игра в гляделки продолжается примерно полминуты. Затем он выходит из тени и замирает на безопасном расстоянии.

— А ты не местный, верно, мистер? — мальчик неожиданно первым начинает диалог, сразу переходя на «ты». По-английски он говорит бегло, но без ошибок. Манера речи торопливая.

— Привет. Верно, парень. Я Мэт. Здесь меньше часа. — Мэтью старается не делать резких движений, чтобы ничем не

напугать ребёнка. Он понимает, почему тот не спешит приближаться. На всякий случай. Если что-то случится, никто ему не поможет, потому, что никого рядом нет. — А ты давно тут живёшь?

— Всю жизнь, — отвечает с сияющей улыбкой.

— А родители?

— Они не здесь, — отвечает с увядшей улыбкой.

— Ты один? Как же так?

— Эй, тут один за всех и все за одного. Никому не дадут пропасть. Община — это такая семья.

— Я тебя понял. А почему тогда здесь так мало людей?

Мальчик только пожимает плечами:

— Все работают.

— Ну, всё встало на свои места. — Мэт улыбается. И видя, что парнишка не реагирует на улыбку, спрашивает: — Может, ты мне поможешь?

— Смотри, что ты хочешь. — Он говорит уверенно, сунув большие пальцы в карманы, как взрослый, и ясно осознавая, что доминирует в ситуации.

— Эм, вообще я приехал к Кэтрин Суон. Но мне сказали, что увидеть я смогу её только завтра, потому ищу ночлег. Один рыбак посоветовал...

— Рита Бор, — перебивает мальчишка.

— Да.

«Впрочем, удивляться нечему. Их мало. И своеобразный хостес здесь тоже кто-нибудь один»

— Просто больше не к кому.

— Ну, логично. Как тебя зовут? — Мэт так и не делает попытки приблизиться.

— Меня зовут Бёрд. Больше тебе ничего знать не нужно.

Писатель обращает внимание, что мальчишка босой. Кажется, горячий песок для него не проблема. Видимо, дело привычки.

— Бёрд. Странное имя. Так родители назвали?

Тот пожимает плечами:

— А тебя родители вообще не планировали, что ли?

Мэт даже теряется от такой грубости, да ещё от ребёнка.

— Эй, с чего такие выводы? — Манера мальчика искренне удивляет его. И раздражает.

— Да имя просто дурацкое! — Пацан вдруг широко улыбается. — Ладно, ещё встретимся. Дом Риты Бор предпоследний на этой улице, с красной крышей.

Майерс инстинктивно оглядывается, надеясь сразу заметить приметную крышу. Повернувшись вновь к Бёрду, изумляется — тот уже убежал, растворившись где-то среди домов или в джунглях.

Мэт качает головой от такой наглости, пока направляется к цели. Нужно жилище оказывается недалеко. Дальше дорога уходит в джунгли, где её плотно окружают деревья. От дома с красной крышей до тёплых вод океана не больше десяти метров, на веранде стоит потрёпанное кресло, а над дверью висит всё та же непонятная штуковина. У дорожки к

входу — длиной ровно в три шага — стоит почтовый ящик на высокой ножке. «Улица Бардандос. Дом 20. Рита Бор» — красуется на ящике в цвет крыши. На лице Мэта появляется улыбка.

Само жилище крайне ветхое, теперь он может рассмотреть всё вблизи. Деревянные стены составлены из разномастных брёвен, а иногда цельных листов фанеры. Один этаж. Покатая крыша, сложенная из листов металла и выкрашенная краской. Правда, ржавчины больше, чем краски. Чердак, очевидно, может использоваться только как хранилище барахла.

Он поднимается на веранду, преодолевая три ступеньки, шаг, стук в дверь. Не торопясь, очень вальяжно приближается звук шагов с той стороны. Хозяйка никуда не спешит.

Дверь приоткрывается со скрипом, оказывается, она на цепочке.

«Вот это поворот, от кого здесь закрываться?»

— Добрый день! Меня зовут Мэтью. Я приехал к Кэтрин Суон.

— Здесь таких нет. — Дверь норовит закрыться.

— Нет-нет! — поспешно произносит Мэт. — Мне нужно только переночевать! Мне сказали, что я смогу видеть её завтра. Подождите! Даже письмо от неё есть!

Дверь успевает захлопнуться, но тут же открывается. Недовольное старушечье лицо:

— Дай сюда!

Мэт осторожно протягивает конверт. Женщина смотрит на надпись и настежь раскрывает входную дверь.

— Да, Кэтти... Похоже на неё. Давай, входи.

Мэтью удивляется тому, как все узнают почерк Кэт. Может, она у них местный писарь? Видимо, их община настолько маленькая, что все друг друга знают.

Входит внутрь и осматривается. Не слишком большая комната, которая одновременно служит прихожей, гостиной и кухней. Видны ещё две двери — наверное, спальни. У стены приставная лестница на чердак. Ещё одна дверь на защёлке, похоже, второй вход. Мебели почти нет. Естественно, телевизор тоже отсутствует. В углу находится примитивная электроплитка. Простая софа посреди комнаты, пара фотографий на стенах и несколько статуэток. Окна закрыты ставнями. Больше ничего.

— Проходи, располагайся, чего встал.

Сама хозяйка идёт к плитке. Он думает, что сейчас она поставит чайник. Вместо этого, наоборот, вытаскивает вилку из розетки и накрывает прибор какой-то простыней.

— Пить хочешь? — спрашивает Рита у Мэтью, который так и стоит посреди комнатушки.

— Что? А, да, было бы здорово.

Она идёт в угол и поднимает крышку погреба. Встаёт на четвереньки и достаёт кувшин. Мэт с любопытством смотрит через её плечо: погреб совсем неглубокий, несколько полочек в пределах досягаемости вытянутой руки, какие-то ба-

ночки и коробки. Похоже, местный аналог холодильника.

Она закрывает люк, ставит кувшин на пол и снимает плотно подогнанную крышку. Мэт бросает рюкзак в угол, садится на диванчик, вытягивая ноги. Потягивается до хруста в костях. Женщина встаёт, позвякивает чем-то, берёт стаканчики. Ставит всё на стол перед гостем.

Напиток хорош: прохладный, с нотками лимона и какого-то экзотического фрукта. Он выпивает сразу полстакана, и Рита подливает ему ещё.

— Ты эту брагу осторожней пей. А то потом ноги отнимутся в самый интересный момент, — говорит она, успев осушить свой стакан.

Настроение её заметно улучшается — взгляд становится ярче, щёки румянятся.

— Брагу? Этот, э, лимонад, что, с алкоголем?! — Он выпрямляется.

— Да что ты волнуешься? — улыбается Бор. — Конечно, а куда деваться? Тут только им и спасаешься.

Но Мэт уже и сам чувствует, как мышцы расслабляются, а мозг отбрасывает лишние мысли. Пока ещё может соображать, он решает больше не прикладываться к напитку.

— Рита... эм, миссис Бор, скажите...

— Так, брось все эти штуки! Мисс, миссис и прочую чепуху! Просто Рита. У нас нет титулов. Только у Говарда... — и она тут же обрывает сама себя, переводит тему: — Так откуда ты знаешь нашу Кэтти?

— Мы были близки когда-то.

«*Вашу Кэтти?!*»

Он понимает, что язык развязывается, а Рита начинает ему импонировать, потому и говорит достаточно свободно.

— Честно говоря, я жениться хотел на ней. Я был счастлив вместе с ней. А потом... она просто исчезла.

Рита только хмыкает, но продолжает молчать.

— Ну, попросту пропала, представляете? Я пришёл однажды домой, а её нет! И будто совсем без вещей сорвалась и уехала. Я кинулся звонить — телефон не доступен. Друзей у неё не было и родных тоже. И я понял, что не знаю, что делать! Терпения хватило на день, потом обратился в полицию. Они тоже ничего не смогли. Все её документы остались дома, потому я даже представить не мог, куда она отправилась.

Рита слушает его и не перебивает, просто потягивает свой алкогольный лимонад.

— Три года! Я пытался её найти целых три года. Обошёл все вокзалы и аэропорты с фотографией. Никто не встречал. И полиция молчала, и в социальных сетях тишина. Как в воду канула! Так и жил...

Чувствует, как к горлу подступает непрошенный комок. За-рекался не пить, завязать. Чёрт!

«*Чёрт!*»

— Прямо все три года искал? — вдруг спрашивает женщина.

— Ну, да. Наверное, только последние полгода как-то... отпустил. Ну, не бросил поиски, просто смирился. Жил как-то. Старался поменьше думать, ждать хоть каких-то результатов. И вот приходит письмо, представляете? От неё! Пишет, где её искать, и просит приехать поскорее. Ну, я и сорвался сюда.

— Ты, парень, не волнуйся, — задумчиво тянет Бор, вертя в руках стакан. — Позвала, значит встретитесь. Значит, разрешили.

— А ей могли запретить?

Голова слегка кружится, но Мэт старается держать мысли в кулаке. Ему кажется, что моргать становится трудно.

— Ну-у... Просто община у нас небольшая, замкнутая. Тут чужих не любят. Думаю, и сам успел заметить.

Писатель кивает. Для него немного странно, что Рита единственная из всех говорит с ним нормальным языком. Может, дело в алкоголе? А она тем временем продолжает:

— Ты здесь слишком сильно не мелькай, мы несговорчивые. Не стоит никого нервировать. Если что спросить хочешь, обращайся ко мне.

— О! А где все, кстати?

— Работают. У нас есть общая плодородная земля. Просто в посёлке жарко. Общий Сад тут рядом, в лесу, где тени больше. Все вместе ходим рыхлить землю и собирать урожай, а потом урожай делим поровну на всех.

— А ты вот дома, не работаешь! — якобы хитро и едко

цедит Мэт. — И что за община у вас такая? На мормонов не похоже.

— А мы и не мормоны никакие. Просто любим природу и не любим чужих людей.

— Но ты со мной разговариваешь.

Она серьёзно кивает:

— Да. Кто-то же должен тебя ввести в курс дела. Чтобы дров не наломал и не лез к людям с расспросами. Так что...

— Бор разводит руками.

— Со всеми вопросами к тебе, я понял. Спасибо.

— А по поводу запретов... Как я уже сказала, тебе разрешили приехать.

— Как тут у вас всё запутано.

— Нет, у нас как раз всё просто. Члены общины — друзья. Делай добро родным. Сторонись чужих, которые могут принести нехорошее. Посторонние всегда всё портят. Вон как люди загадили всю планету, посмотри. Потому мы тут и спасаемся.

— Просто дети цветов! — Мэт расслабляется окончательно. — Сообщество друидов. Новички, наверное, толпами прут.

Рита пропускает его бравату мимо ушей.

— Да брось, мы не друиды. Наша община, как дерево. Его ветви можно отрубить, но они вырастут вновь. С него можно содрать кору, но и она нарастёт. Его можно отравить, но со временем оно очистится само — через корни и почву.

— Дерево можно срубить, Рита. И что тогда?

— Даже на пнях вырастают новые побеги, юноша! Так что мы выживем, даже если нас вырубить под корень. Потому здесь так хорошо. Тишина и покой. Мы никого не трогаем. Чужаки не трогают нас. Так и живём.

— Да, у вас тут действительно хорошо... Ладно, где мне можно располагаться? И сколько это будет стоить?

— Ну, молодой человек, располагайся прямо здесь. Сейчас дам одеяло. Ночами бывает прохладно. А счёт выставлю, когда будешь уезжать.

Она подходит к одной из двух дверей. Это оказывается кладовка со всяким хламом, откуда Рита достаёт пыльное одеяло и отдаёт Мэту.

— Туалет с той стороны, через вот эту дверь. Можешь пока прилечь, ужинать будем через пару часов.

— Знаешь, я лягу, пожалуй. Можешь меня не будить на ужин...

Он уже спит. В конце концов, брага Риты одолевает уставший разум Мэта, и он не слышит её шёпот:

— Незваные — прочь. Покоя вам нет. И здесь его не ищите.

С этими словами женщина поворачивается к входной двери и делает странный жест рукой: шёпотью касается сначала середины груди, затем левого плеча, живота и правого плеча.

Глава 2

Короткое мгновение пробуждения кажется вечностью. Ощущение такое, будто сознание растягивается в тонкую линию, и чтобы его смотать в клубок, приходится прилагать некоторые усилия.

Кажется, ему снилось что-то тёмное и пахнущее алкоголем...

Мэтью открывает глаза.

На улице ночь. Резко подскочив, он буквально бежит в сторону той двери, на которую ранее указывала Рита Бор, говоря о туалете. Она открывается с диким скрипом, и в ночной тишине звук разрастается в десятки раз. Мочевой пузырь вот-вот лопнет. По ту сторону деревянного проёма, к большому разочарованию Мэта, унитаза не оказывается. Из груди вырывается короткий стон.

Небольшой задний дворик освещён полумесяцем в компании тысяч звёзд. Из-за отсутствия иного света они выглядят ярче и даже ближе, чем в городе. В этих широтах можно обходиться естественным природным освещением.

От подобной красоты Мэтью застывает на мгновение. Однако тут же вспоминает, что его пробудило.

Покосившаяся ветхая кабинка вселяет уверенность, что это именно то, что нужно. Первый вздох внутри туалета выбивает слезу — вонь стоит такая, будто сюда ходят все жи-

тели острова на протяжении сотен лет. Внутри просто дырка в деревянном полу. Процесс облегчения занимает относительно длительное время. Выскочив наружу, Мэт полной грудью жадно хватается свежий тропический воздух.

Над головой пролетает небольшая стая то ли ночных птиц, то ли летучих мышей, которые вполне могут жить на чердаке старой Риты. Ещё он слышит стрёкот каких-то местных насекомых. Определённо, жизнь после заката на острове не менее разнообразна, чем днём.

Мэтью вдруг инстинктивно поворачивается в сторону джунглей, почувствовав чьё-то присутствие. Объяснить ощущение он не может. Словно едва осязаемое прикосновение где-то в районе поясницы, вызывающее мерзкие холодные мурашки. Вглядывается во тьму.

«Там явно что-то... Вряд ли люди... Здесь никого... Не может быть... Скорее всего, животные...»

Этой логичной мыслью он успокаивает себя. С другой стороны, за весь день Мэт не встретил ни одной собаки, кошки или любого другого зверя.

Тянутся тяжёлые секунды, но ничего не происходит. Мэт списывает всё на непривычную обстановку и новые эмоции. Расслабляется, напряжённые плечи опускаются.

Возвращается в комнату, берёт из сумки большой блокнот и ручку. Он не уверен, что в этот раз получится что-то написать, но попробовать стоит. В любом случае, ничего не потеряет. Сидеть в доме совсем не хочется, потому возвра-

щается на берег. Вид завораживает, умиротворение исходит из глубин бескрайних вод. Ветра почти совсем нет, но лёгкая рябь плавно выталкивает короткие волны на песчаный берег. Они выползают медленно, не торопясь, и на короткое расстояние. Мэт окончательно успокаивается.

Рита Бор говорила, что ночью может быть прохладно — это не так. Погода прекрасная, а поверхность земли не успела остыть после дневного зноя.

Писатель открывает блокнот, заносит ручку над бумагой и пишет первое слово: «Остров». До сих пор не получается собрать мысли в кучу, но то, что он успел увидеть, буквально просится наружу. Мэтью записывает всё: с кем общался, что узнал. Пока это только заметки, отдельные, не связанные между собой предложения, которые много после можно будет объединить в полноценный текст.

Дойдя до упоминания о напитке Риты, Мэт на секунду задумывается. Сейчас около четырёх часов утра. Вот-вот наступит рассвет. Он уснул в районе трёх часов дня. Выходит, проспал не меньше двенадцати часов! До этого сильно не напрягался, и нельзя сказать, что был эмоционально истощён. *«Что же там за пошло, что вырубил взрослого мужчину на длительное время?»* Похмелья нет, ничего не болит и не беспокоит.

— Интересно... — задумчиво вырывается вслух.

Принимает решение: записывать всё, что будет происходить вокруг, пока он остаётся на острове. За неделю-две

можно собирать достаточно информации, чтобы превратить в полноценную книгу.

Он искренне верит в то, что после встречи с Кэтти вдохновение вернётся, и всё встанет на свои места.

Но вот...

Откладывает блокнот в сторону. Смотрит вдаль.

«Невероятно»

Уже заметно светлее, но солнца ещё нет. Закрывает глаза, и слушает: на фоне едва заметного шума волн периодически кричат чайки, остров потихоньку просыпается. И тут лица Мэтью мягко касается первый лучик. Пожалуй, самый волшебный рассвет в его жизни. Горящий шар медленно выползает строго по центру горизонта, озаряя всё на тысячи и миллионы километров. Птицы где-то в глубине джунглей исполняют утренний этюд и кучей взмывают ввысь. Мэт со счастливой улыбкой делает глубокий глоток свежего солёного воздуха, от которого просто хочется жить.

Это всё очень сильно похоже на новое начало. Идеально подобранный момент, знаменующий окончание чёрной полосы в жизни.

Откуда-то сбоку плавно нарастает гул. Оборачивается. Люди. Навскидку, с первого взгляда, кажется, что их человек двести, не меньше. Дружно выходят из леса. В руках разные орудия труда, они выглядят усталыми, но счастливыми. Слышится добрый смех и шутки.

Мэтью вскакивает, схватив блокнот. Хочет бежать к ним

навстречу, но не делает и шага. Вспоминает, что народ здесь не слишком радушный к пришлым. С другой стороны, желание встретить поскорее Кэтти сильнее страха. Неуверенно переступает с ноги на ногу. Нет, всё-таки он для них является чужаком. *«И это их дом, потому не стоит вот так сходу портить отношения. Лучше подождать»*. Пересилив амбиции и желания, бегом возвращается в жильё Риты, прячет в рюкзак блокнот.

— О, уже встал? Славный день. — Пожилая женщина беззвучно оказывается сзади.

Мэтью дёргано оборачивается от неожиданности.

— Да! Доброе утро. Скажи, пожалуйста, а Кэтти, случайно, не в той толпе, что вышла из леса? — Мэтью говорит с интонацией ребёнка, который очень сильно чего-то ждал и вот-вот должен это получить.

— Должна быть. — Старуха почему-то не разделяет радости Мэта и говорит сухо, без особого энтузиазма.

— Видимо, я правильно решил, что не стоит бежать к ним вот так, без приглашения?

— Верно. Делаешь успехи. Мы люди мирные, но такие некоторые могли бы расценить, как агрессию. — Она видит, как писатель хмурится. Страх и недоверие. Однако Рита лукаво улыбается, пытаясь утешить: — Не бойся, убивать бы не стали.

Парень нервно сглатывает.

— Где находится её дом?

Мэтью надеется на положительный ответ.

Он сам не понимает, отчего, но сердце бешено стучит, а ноги напряжены: готов бежать, куда скажут, сию же минуту.

— Сначала пьём чай. — Её тон не терпит возражения, а ответ сбивает с толку.

Женщина ставит на столик уже горячий чайник и две чашки.

— Но...

— Никаких «но». Сейчас все разойдутся по хижинам, тогда пойдёшь. Дай им время прийти в себя, — твёрдо командует Рита.

Готовый сорваться с места, Мэт хмурится ещё больше, но неожиданно подчиняется. Он всегда казался сам себе довольно упрямым, однако сейчас решает смириться с чужими порядками.

Чай оказывается травяным с тонкими виноградными нотками. Очень бодрящий и лёгкий вкус, и естественно, ни грамма сахара.

— Кофейные деревья у нас не растут, потому довольствуемся тем, что есть. Так что и не проси ни у кого. Правда, я старая женщина, и не могу отказать себе в маленькой слабости... Так что у меня припрятано чуток растворимого. — Она подмигивает. — Может, угощу как-нибудь.

Мэт делает глоток из непривычной чашки. Она изготовлена из кокосовой скорлупы, только снизу приделано плоское основание, чтобы стояла, и ручки нет. На поверхность

жидкости всплывают мелкие ягоды, напоминающие чёрную смородину или голубику. После вчерашнего одурманивающего лимонада Мэтью немного настораживается.

— Что это за ягоды?

— Ах-ха-ха, не бойся! Это асаи, — смеётся Рита.

— Как, прости? Никогда не слышал о таких.

— Это целебная ягода. Растёт в наших краях. Я засушиваю её и добавляю в чай. Некоторые смешивают с бананами, получается вкусная сладость. Обычно, делают детям.

— Интересно. — Он делает ещё глоток. — Асаи. На самом деле, вкусно!

— А ещё из неё получается очень вкусное вино. Как-нибудь попробуешь, — Рита по-доброму улыбается.

— Пожалуй, откажусь! — Мэтью смеётся в ответ.

Они недолго болтают о разном. Бор интересуется, кем работает Мэт. Он вкратце рассказывает, как в пятнадцать лет написал свой первый рассказ, как решил заниматься литературой. Секунду поколебавшись, но припомнив, что вчера и так был слишком откровенен, признаётся, что после исчезновения любимой, не написал ни слова. Если раньше были встречи, гонорары, интервью на телевидении и радио, то за два года бездействия подающий надежды современный автор Мэтью Майерс отошёл на второй — если не на третий — план.

«Хочу снова начать писать»

Здесь повисает пауза, потому что Мэт не может толком

сосредоточиться на пространных разговорах. Все мысли тянут его туда, на улицу, искать Кэтти. И Рита сразу же нарушает тишину:

— Вот представь себе, что у тебя есть выбор. Написать новую книгу и вернуться на вершину, к славе и богатству. Или снова быть с Кэтти. Неважно, где. Что ты выберешь?

— Остаться с ней здесь?

— Да хоть бы и здесь. — Рита склоняет голову на бок.

— Да разве ты оставляешь мне какой-либо выбор в этой ситуации?! — Мэтью пытается улыбаться. Получается с трудом.

Он не хочет слишком углубляться в подобную мысль. Рано. Страшно.

— Ну, тогда считай, что выбор сделан.

Он чувствует, будто холодок пробегает по комнате. Сердце пропускает удар.

— За всё надо платить, — глухо, но уверенно произносит старая Бор.

Он сглатывает и трёт левую руку. Качает головой:

— Пока я не встречусь с ней, и мы не пообщаемся, я не смогу объективно оценить, за что заплатил тремя годами безработицы.

— Тогда тебе пора идти.

Она хлопает в ладоши и встаёт.

— Что? Серьёзно? Куда идти?

Он тоже встаёт, слегка сконфуженный. Но тут же глаза

Мэтью вспыхивают, он готов бежать, не то, что идти, на встречу с Кэтрин.

— Так, сейчас выходишь, поворачиваешь направо и отсчитываешь три дома. — Женщина сопровождает слова жестикуляцией. — В четвёртом на противоположной стороне живёт Кэтти Суон. Дом с зелёной крышей.

Мэт вдруг срывается с места, даже не сказав «спасибо». И если бы пришлось бежать мило, две, или пять, он сделал бы это с той же скоростью без капли сомнения. Сердце отбивает самые сложные ударные партии. Нет, не из-за физической нагрузки. Последний раз подобное волнение парень испытывал, когда его впервые позвали на публичное интервью, сразу после выхода первой книги. Без сомнения, то был его триумф. Но тогда он хотя бы знал, о чём будет говорить.

Они не виделись так долго, что Мэт ловит себя на мысли: он уже и не верил в то, что эта встреча когда-нибудь случится. Конечно, никогда не говорил этого вслух. А при посещении подобных мыслей старался отвлечься на другое, или же утешал самого себя в обратном какими-то не очень вескими аргументами. На самом деле, если бы ему просто сказали, что она жива, этого бы хватило, чтобы выдохнуть, и жизнь тогда стала немного легче. Сомнений нет, такая новость породила бы ещё больше вопросов, и его поиски не прекратились. Наоборот, только усилились. Но то, что происходит сейчас, в сотни, и даже в тысячи раз лучше, чем могло бы быть. Она сама его позвала, а значит, хочет видеть! Всё

остальное не важно.

Четвёртый дом справа от Риты Бор оказывается ровно такого же типажа, как и все остальные. Та же штуковина над дверью, та же небольшая веранда с видом на улицу. Прямо возле дома с левой стороны стоит одинокая пальма. Почему-то её не стали вырубать, когда занимались постройкой. И от этого весь облик жилья Кэтти приобретает некий сказочный шарм. Витает атмосфера чего-то родного. Крыша и впрямь зелёная, но только не из-за того, что её покрасили. Огромные пальмовые листья, связанные между собой, застилают всю поверхность, немного свисая с краёв. Скорее всего, под ними всё то же металлическое основание. Мелькает мысль, что он не удивится, если узнает, что сама Кэтти придумала таким образом украсить свою обитель. А возможно, это было сделано из более практичных побуждений: чтобы жара не так сильно проникала внутрь.

«Интересно, как часто их приходится менять? Неужели, сама лезет наверх? Или... кто-то помогает...»

Мысли неприятные, непрошенные. Мэтью старается отогнать их.

Он стоит у входной двери. Руки дрожат. Такое бывает, когда ты чего-то очень сильно ждёшь, и вот сейчас уже получишь то самое, желанное, и останавливаешься на секунду, чтобы подготовиться. Мэт делает несколько шагов, вплотную приблизившись к двери. Три коротких стука. По ту сторону слышатся быстрые шаги. Дверь открывается внутрь.

Случилось. Они, наконец, встретились.

Кэтти заметно похудела. Её от природы смуглая кожа приобрела глубокий ровный бронзовый загар и стала ещё темнее. Косметикой она пользовалась редко даже в условиях цивилизации, потому всегда выглядела настоящей, впрочем, как и сейчас. Длинные волосы выгорели и приобрели цвет какао. Они распущены и аккуратно лежат на плечах. Природа явно потрудилась над созданием глаз, она превратила их в два драгоценных сверкающих камня, смешав карий и изумрудный цвета. На лице играет изящная улыбка, обнажая белоснежные зубы и образуя в уголках полных губ еле заметные морщинки. Дыхание спокойное, она совершенно не нервничает в отличие от своего гостя.

— Кэт...

Мэтью кажется, будто он в каком-то фильме, потому что чувствует, как сердце проваливается вниз, на самое дно. Руки так и трясутся.

А она молчит и улыбается. Для неё эта встреча кажется такой естественной, словно на самом деле она ждала его всё это время, а он, дурак такой, не мог понять, где искать. Будто этот самый остров является той самой землёй обетованной, где все ищущие обязательно приходят к своей цели, а страждущие утоляют жажду.

Он не ощущает жары, которая успевает подняться от песка. Для него нет уродливых домов вокруг, что портят своим существованием пейзаж. Весь мир сужается до лица, светя-

щегося, словно блик солнца на морской волне. Кажется, что нет даже ветра, а прядь её волос колышется сама по себе. И ни единая птица не смеет потревожить момент своим голосом, пусть и прекрасным от природы.

Всю бесконечную тоску и боль потери Мэт осознаёт только теперь, по прошествии невыносимо долгих трёх лет. Он просто физически не может сдвинуться с места.

— Входи, не стой на солнце, — произносит она негромко.

Голос такой родной для него, что парню кажется, будто он слышал его только вчера. Именно её слова выводят Мэтью из ступора. Он входит, осознавая, как дрожат колени.

Убранство сильно отличается от жилища Риты Бор. Всё выглядит гораздо аккуратнее и опрятнее. Здесь всем телом ощущаешь, что ты именно дома. Уют создают картинки и вырезки из журналов, развешанные на стенах. Они яркие и пёстрые, да и сами стены внутри имеют мягкий персиковый цвет. Помещение разделяется на две комнаты — большой зал и спальню. В зале два кресла и маленький плетёный столик. Всё застелено бархатными покрывалами тёмно-коричневого цвета. Здесь также стоит электроплитка, только идеально белая и чистая, в отличие от агрегата Риты. Немного посуды в шкафчике в углу. Зеркало в тяжёлой раме.

В спальне же он успевает заметить не очень большую кровать, также застеленную пледом, крохотный комод (по крайней мере, нечто на него похожее) и ещё один шкаф.

А затем Кэтти крепко обнимает его, и Мэт понимает, что

больше никогда в жизни не отпустит её.

— Я всё время ждала тебя.

— А я всё время искал тебя.

На самом деле подобные банальные слова даже не нужны. Кэтти говорит так, чтобы окончательно поверить — это не сон. Она тоже не знала, доведётся ли им встретиться вновь. Не знала, но надеялась; верила и каждый вечер перечитывала его книги, добытые с таким трудом в свой первый год здесь.

Не размыкая объятий, Кэтти тянется к его губам. Мэт не сопротивляется, отвечает на поцелуй. И именно в этот миг он знает, что такое вечность.

Кресла в большой комнате оказываются очень удобными. Они пьют чай всё с теми же ягодами асаи. Только спустя неопределённое время, когда проходит восторг от долгожданной встречи, он спрашивает её обо всём, что случилось. Ему не терпится задать самый главный вопрос.

— Кей, почему ты ушла?

Он называет её по первой букве имени, как когда-то в далёком прошлом.

«Также я звал Эмму. Эм»

— Так было нужно.

Естественно, подобный ответ никак не может удовлетворить его. Он скрипит зубами.

— Как? Это не ответ!

Она не опускает голову, смотрит прямо в глаза.

— Меня позвали, Мэт. Я должна была ехать.

— Не понимаю. Это чушь! Бросить всё, сорваться и уехать на край света, на остров, где даже связи нет!

— А нам здесь и не нужна связь. Есть всё, что нужно. Внешний мир — грязное место. А тут просто рай. Особенно для тех, кто устал.

Он качает головой.

— Значит, ты устала от меня?

Его щёки вспыхивают.

— Нет, что ты! Я устала от мира, от всего ужаса, что творят люди. — Она трогает руку любимого. — Помнишь того бельчонка?

— Ты решила, что человечество — это, эм, зараза на теле земли из-за одной сумасшедшей?

— Да она просто взяла и наступила на него! Сломала малышу хребет одним ударом! — вскрикивает Кей, но тут же пытается справиться с голосом. — Нет, не только из-за неё я поверила в ущербность людей. Просто никто вокруг даже не пошевелился, чтобы хоть что-то сделать. Никто не обратил внимания.

Мэтью сжимает виски.

— Но это ведь всего лишь бельчонок. Жалко, не спорю. И охрану парка мы с тобой вызвали тогда, а другие люди не стали даже подходить. Всё верно. Но как это могло повлиять на тебя? Да ещё так, чтобы бросить...

— Не думай, что я решила уехать из-за зверька. Конечно,

нет. Просто это один яркий пример. А сколько человечество творит зла в принципе?

— Ты изменилась, Кэт. — Он опять качает головой.

И действительно, если раньше она могла смеяться в голос, не стесняясь прохожих, то теперь лишь мягко улыбалась, будто понимала Мэта лучше него самого. Прямо святая с иконы.

— Я нашла свой путь. Наша община здесь, на острове, хочет, чтобы мир стал хоть чуточку лучше.

— Каким образом?! Тем, что вы сами уходите от общества и не вносите свой мизерный вклад в разрушение планеты?

— Хотя бы и так. Почему нет? Может, в один прекрасный день, посмотрев на нас, остальные, наконец, поймут, сколько зла приносят одним своим бездумным существованием. И тогда всё изменится.

— Ты закрылась в мире фантазий. Вы все тут какие-то... замкнутые сами на себе. Это похоже на...

— На секту? Ты это хочешь сказать?

Кэтти отстраняется. Отсаживается. Отдаляется.

— Надеюсь, не на секту.

— Мы всего лишь община, Мэт. Мы просто пытаемся жить без суеты и грязи, которую порождают техногенные блага. Как писатель, ты должен понимать, что цивилизация зашла в тупик. Зачастую, технологии в узких областях замораживают, потому что от нефти, например, некоторым отдельным людям больше выгоды, чем от какого-нибудь бес-

платного источника энергии. Если все будут равны, то они потеряют свою власть. А власть, сам знаешь, тот ещё наркотик.

«Как же тебе запудрили мозги. Твари!»

— Я всё равно не вижу вашего вклада в спасение мира. — Майерс старается говорить спокойно и негромко, чтобы его слова звучали максимально правдиво. Чем тише говоришь, тем больше собеседник верит. — Вы же просто отшельники. И что тебе мешает заниматься этим в городских реалиях?

С ужасом он понимает, что неосознанно старается говорить с ней, как с сумасшедшей.

— Да. Отшельники. Дауншифтеры. И этим лучше других. Мы не делаем зла. Можешь увидеть сам, здесь все очень доброжелательны.

— Угу, я заметил. Такие отзывчивые...

— Ну, нужно ведь сначала доказать, что ты не чужак. Что свой. Что не принёс хаос.

— И что же надо сделать? Вот ты, Кэтрин Суон, что сделала, чтобы доказать этим «не-сектантам», что достойна быть с ними?

Нет, Мэт не злится. Он искренне недоумевает, как она, его Кей, попала сюда и отрешилась от остального мира? Что случилось в её жизни такого жуткого, чтобы решиться на подобное? Конечно, он знал её очень долгое время, помнил все тяготы, которые им пришлось вместе перебороть. Все ужасы прошлого и старые демоны — они победили их вместе и

начали новую жизнь. Всё было отлично! «Ну, нормально, а не отлично». И чем девушку привлекла такая странная религия, если её можно так назвать?

Кей улыбается и разливает ещё чай.

— Здесь не нужны никакие обряды посвящения, молитвы и оргии. Мы просто тихие отшельники, живущие в своё удовольствие.

Она кривит душой, парень уверен. Слишком многое не договаривает Кэтти. Но он не давит. Пока что.

Мэт тоже старается улыбаться:

— Знаешь, вот последнее радует. Я не знаю, что бы со мной случилось, скажи ты, что вы все собираетесь на площади и...

— Фу, остановись!

Кажется, она даже немного веселится. Легко толкает его в плечо. Он по глазам видит, как рада девушка встрече. Хочется верить, что и Кэтти не находила себе места все эти годы. Но один вопрос его так и гложет.

— Ты не сказала, почему ушла.

Мэтью вдруг вспоминает Эмму из далёкого детства, из маленького городка на другом краю света. Та девочка была независимой, имела своё мнение и всегда твёрдо, а главное честно, говорила всё, что думала. В любой ситуации.

Ладонь Кей совсем легонько вздрагивает. Она делает большой глоток чая, аккуратно ставит кокосовую чашку, разглаживает юбку, поправляет прядь волос. Негромко говорит,

не поднимая взгляда:

— Извини, но пока я не могу тебе рассказать. Знаю, что ты не отстанешь. Сейчас я скажу лишь одно. Я кое-что узнала... Э-э, кое-что из ряда вон выходящее. Тогда мне стало настолько страшно, что я... Я была просто обязана проверить. — Пауза. — И я оказалась права. Но в действительности всё не так уж и страшно! Ох, извини, я не могу сказать больше. А то запутаю и тебя, и себя. — Она поднимает руку, будто отгораживаясь. — Но скоро ты сам всё узнаешь, обещаю! Прошу, потерпи немного.

— Кей, я...

— Я знаю, что тебе нелегко, и ты нуждаешься в ответах. Доверься мне. — Её мягкий голос звучит настолько убедительно и открыто, что Мэтью просто физически не может возражать и настаивать.

Его Кэтти снова рядом. Это теперь самое главное. Он кивает:

— Ладно, Кей, давай не будем об этом.

Остатки протеста внутри таят с каждой секундой. Тепло её тела рядом растапливает ледяную корку отчуждённости и недоверия, появившуюся за последние годы в одиночестве.

Мэт берёт её тонкую ладошку, целует, и девушка расслабляется.

— Расскажи, как вы тут живёте? Вдали от нормальных туалетов и душа?

— А с чего ты взял, что мы не моемся?

И правда, от неё пахнет чем-то пряным вперемешку с цветочным запахом. Она, конечно, следит за собой. И ногти ухожены, и волосы чистые, и зубы. На самом деле, даже пожилая Рита не выглядит неопрятной.

«Всё же они не дикари и не безумные бродяги-отшельники. Просто современные люди в необычных условиях»

— За домом есть летний душ. Ну, увидишь. Только воду сама ношу. Тут всегда тепло. То, что нет горячей воды, не страшно. Продукты выращиваем сами. Есть общая земля, работаем все вместе и делим урожай поровну.

— Да, это я уже слышал, — усмехается он. — А как же всякие мелочи? Зубная паста или туалетная бумага? Прокладки, в конце концов.

— Ну-у, иногда приезжает катер. Либо привозит нам что-то, что просили заранее. Из деревни на материке. Ты оттуда и должен был приехать. А туалетную бумагу неплохо заменяют местные растения с большими листьями. — Она машет руками. — Да нет же, не думай, что это дикость! Вот попробуешь сам, удивишься. Считай, местное изобретение. Дар природы.

— Да понял-понял. Вы не сумасшедшие, не эльфы-друиды, не сатанисты, а просто люди, которые живут в своё удовольствие, стараясь поменьше пользоваться достижениями цивилизации. Ну, а электроплитка?

— С чем-то приходится мириться, — говорит она, вздохнув. — Мы не пещерные люди, что бы всё на огне делать. И

сразу отвечу на вопрос: да, у нас местная, ну, электростанция, вроде того. Оттуда и плитки работают, и фонари используем. А ещё у меня радио есть! Но слушаю я его только ночью.

Она немного хмурится, но развивать тему не стремится.

— Знаешь, когда я вошёл, Рита спрятала плитку под простыню. Зачем?

— Такое поверье. Чужим нельзя показывать нашу слабость. То, что мы ещё не так совершенны, как хотим быть. Но главное — стремиться к идеалу! — И вновь она переводит тему. В этот раз Мэт хорошо видит такой момент. — Может, давай прогуляемся, я тебе покажу всё?

— Конечно, с удовольствием! — Писатель сразу же поднимается: что угодно, лишь бы вместе с любимой! — Остальные не будут против меня?

— Ну, ты же со мной. — Тёплая улыбка не покидает девичьих губ.

— Знаешь, я бы сначала принял душ. Честно говоря, с непривычки такое ощущение, будто я не мылся уже неделю.

— Значит, все серьёзные вопросы вечером! — Она осторожно касается его груди. — Давай так. Сейчас иди за своими вещами, будешь жить у меня. А потом в душ.

Она выходит на улицу. Мэт несколько секунд оторопело смотрит в точку. Его голова просто разрывается от мыслей. Столько вопросов, которые не дают покоя. Но вместе с тем, Кэтти... Её глаза, голос, обольстительные нотки которого

зовут остаться с ней рядом навсегда, не произнося лишних слов. Всё это перекрывает остатки логики.

Он трясёт головой, пытаясь собрать мысли в кучу. Главное, что они снова вместе. Сейчас его больше ничто не заботит.

Глава 3

Мэт влетает в дом старой Риты, которая в этот самый момент готовит. Она испугано оборачивается, явно не ожидая его так быстро. Её губы что-то шепчут, но он не слышит.

— Прости, не хотел напугать, — кричит Мэтью, понимая, что с его стороны некрасиво вот так врваться в дом, хозяйка которого единственная, кто любезно предоставила ночлег.

Он торопливо и сбивчиво объясняет ей, что Кэтти предложила жить у неё, потому пришёл за рюкзаком.

— Замечательно! Значит, всё идёт так, как должно быть, — очень спокойно и по-доброму отвечает женщина.

Писатель быстро оглядывается, не забыл ли чего, и уже в дверях оборачивается:

— А, Рита, насчёт оплаты.

— Решим вечером, не волнуйся.

— О, спасибо огромное! — И скрывается за дверь.

— Надеюсь, и дальше всё будет идти, как задумано, — в одиночестве произносит старая Рита Бор.

Мэтью радуется, как маленький ребёнок рождественскому подарку. Мурлычет под нос весёлую песенку. Входит в дом, где теперь будет жить вместе с любимой женщиной ближайшее время.

«А может, и дольше», мелькает мысль, но окрашена она

почему-то в неприятный мрачно-серый цвет.

— Ты можешь бросить вещи в спальне.

Парень послушно оставляет рюкзак возле одного из шкафов. Полотенце решает не брать — оно здесь в принципе и не нужно. Жара стоит такая, что можно обсохнуть за пару минут.

Выходит на задний двор. Ночью не особо хорошо рассмотрел, как всё было в этом месте у старой Риты, однако уверен, что не так аккуратно. Уличный туалет выглядит более свежим сооружением, а сама кабинка не покосившаяся, и это уже радует. Душ представляет собой странное сооружение из трёх железных труб, вертикально врытых в землю треугольником на очень маленьком расстоянии. Два человека тут явно не поместятся. Сверху закреплена большая синяя пластиковая бочка. Скорее всего, в дождь крышку сверху снимают, чтобы набралась вода. Снизу приспособлен маленький кран. И это вся конструкция — нет ни стен, ни занавески.

Мэт смотрит по сторонам. Забор у Кэтти достаточно высокий, хотя это и забором назвать сложно: плотно связанные прутья и палки, которые обросли лианообразным сорняком. Соцветия приятного сиреневого цвета.

Старается отогнать непрошенные мысли о том, кто мог пялиться на его женщину, когда она смывала с себя пыль и грязь после работы, или просто освежалась в особо жаркие дни. Воинственным он никогда не был. Однако сейчас вдруг чувствует себя вполне способным ввязаться в драку. Послед-

ние три года достаточно сильно изменили его мягкий от природы характер.

Но думать про всё, что было когда-то в прошлом, Мэт совершенно не хочет.

Он принимает душ. Вода не сильно холодная, не сильно горячая — прямо то, что надо. Вспоминает, как в условиях цивилизации, чтобы отрегулировать до идеала температуру, приходилось убить несколько минут, играясь с двумя кранами по очереди. Тут природа сама выставляет все настройки и делает это превосходно.

Закончив водные процедуры, Мэт стоит какое-то время абсолютно голый. Лёгкий ветерок на влажной коже ощущается гораздо сильнее, что очень освежает. Писатель поднимает глаза и видит Кэтти. Она стоит в дверном проёме, опираясь плечом о косяк и скрестив руки на груди.

— Что это за растение на заборе? — выдаёт Мэт первое, что приходит в голову.

— Это Пуэрария.

— У неё красивые цветы.

— Я даже не буду пытаться рассказать тебе обо всех целебных свойствах этого плюща, — улыбается девушка. — Обед скоро будет.

Отворачивается.

Кэтти готовит салат из тунца, а Мэтью, сидя за столом, наблюдает за происходящим. Пытается вспомнить, когда в последний раз она готовила для него обед.

Наверное, в этом и заключается суть счастья — пища из рук любимой женщины. Казалось бы, обыденная мелочь, которая проходит мимо сознания многих людей каждый день. Но сколько она таит за своим фасадом. Какие сложности зачастую таятся за кулисами семейного ужина! Мужчины, не ценящие жён, не достойны звания мужей. Женщина может мучиться от боли в особые дни, или испытывать нужду в деньгах, но когда она любит супруга, то всё равно сделает так, чтобы тот был сыт. Обязательно придумает что-то, если есть возможность, или же приготовит нечто незамысловатое. Не важно, что это будет. Главное, она ждёт его. И он знает, что его ждут. У Мэты подобная мысль вызывает больше эмоций, чем первый в жизни взгляд на океан.

Они с Кэтти болтают о мелочах, смеются, обедают и выходят на прогулку.

Солнце покидает зенит, а значит ещё чуть-чуть, и убийственная жара спадёт. Мэтью даже не представляет, что интересного можно увидеть на таком небольшом острове. Тут нет ни удивительной архитектуры, ни высоких водопадов, ни внушительных достопримечательностей. Все дома выглядят почти идентично. С другой стороны, его взгляд, как личности творческой, ловит неприметные детали пейзажа, общий вид оплетённого растениями отдельного строения, например. Он спрашивает, кто там живёт, получает ответ и короткую историю о человеке в придачу. Ведь сколько интересного может произойти за один день даже здесь, на кро-

хотном пяточке суши.

Они идут рука об руку, словно на прогулке в центральном парке. Однако не успевают дойти до окраины посёлка, как намеревались.

— Эй, привет, мистер! — звучит сзади тонкий детский голос.

Мэтью оборачивается. Мальчишка выходит из-за угла какой-то халупы и машет им.

— Здравствуй, Бёрд, — отвечает Кэтти.

— Привет, парень! — Писатель тянет руку, чтобы поздороваться.

«Кажется, сейчас это будет уместно»

Паренёк не сходит с места. Говорит с расстояния метра в три, словно бы не замечая приветственный жест. Девушка тоже замирает.

— А вы уже успели познакомиться, — констатирует она.

— Да! Считаю, я помог ему найти тебя, — важно произносит Бёрд.

— Ну-у, пусть будет так, — смеётся Мэт, чтобы сделать ребёнку приятно.

— А вы знаете, что Говард собирает всех?

— Собрание? — хмурится Кэтти.

— Какой-то праздник? — удивляется Мэт.

— Да не, просто общий ужин. Есть хороший повод.

— Мэтти, пойдём скорее! Ты не представляешь, что там увидишь! Пойдём!

Она тянет его, и тот послушно идёт. А обернувшись, видит, что мальчик уже исчез. Ещё какая-то неясная мыслишка свербит в мозгу. Только что произошло нечто странное, но он никак не может понять, что именно.

Писатель надеется увидеть главную площадь посёлка. Ему кажется, что там уже сейчас бушует большой костёр, музыка, веселье, радость. Они проходят в обратную сторону по главной улице. «*Бардандос*», вспоминает Мэт. Сворачивают на параллельную улочку, минуют ещё несколько домов и выходят к нужному месту.

Ничего ещё нет. Да и площади, как таковой, тоже не существует. Это просто свободное пространство в стороне от центральной улицы.

Люди — и мужчины, и женщины — таскают увесистые брёвна и ветки для костра. Детишки носятся вокруг, крича и смеясь. Общих столов нет, и кажется, никто не собирается их ставить. В стороне несколько женщин в возрасте нарезают овощи, чистят рыбу, маринуют, добавляя разные специи. Тут же он видит и того самого не очень вежливого рыбака. Возле него бóльшая часть общего улова.

Со стороны подготовка выглядит настолько обыденно и привычно, но вместе с тем, по-доброму и по-домашнему. Весь процесс похож именно на приготовление ужина в большой семье. Скорее всего, это всё люди. Они сами по себе такие. У них нет тревог, а только любовь и радость в отношении друг друга.

Нет какой-то определённой иерархии, чтобы каждый занимался своим делом. Все взаимозаменяемы. Мэтью видит, как несколько мужчин отвлекаются от костра и идут помогать кухаркам. Дородная женщина, что несёт воду, ставит вёдра и начинает прикрикивать в свою очередь на юношей с ветками.

Кто-то приносит покрывала и пледы. Очевидно, кушать собираются, сидя на земле. Постепенно всё превращается в большой пикник. Не хватает только стереотипных плетёных корзин. И они появляются! Только выглядят немного нестандартно. В них приносят бутылки и какие-то мелочи — посуду и приборы.

Писатель удивлённо озирается. Вся обстановка навевает некие воспоминания из детства, когда они всей семьёй отправлялись в городской парк. Когда отец ещё был жив, а сестра не свалила куда подальше. С тех времён у него остались только отголоски красок и эмоций — неизменно яркие беззаботные и очень тёплые, как парное молоко.

Кэтти подводит его к одной группе людей, к другой. Все здороваются, знакомятся. Да, пока что не все отвечают улыбкой на улыбку, далеко не все. Но Мэт чувствует, как стена отчуждённости даёт трещину. Видимо, его положение приглашённого и спутника одной из них постепенно меняет отношение к нему.

Кэтрин покидает парня на некоторое время, отправляясь к тем, кто чистит фрукты. Однако компанию ему составляет

старая Рита Бор. Технически, они виделись утром, но сейчас Мэт ощущает себя так, будто в суе и передвижении человеческих фигур уже прошло много времени.

Она сначала указывает ему на некоторых и называет имена. В общем гомоне он слышит имя Уве — рослый африканец говорит с сильным акцентом, но достаточно грамотно. Тот рассказывает что-то о своей родной деревне. Мэт, сквозь специфический говор, не может разобрать название: «*Ogoc-sagu? Ogasaga? Asagi?*».

Слишком много новых лиц. Кажется, будто собираются все жители. Навскидку, здесь уже наберётся пара-тройка сотен. Наверное, сколько всего жителей вмещает остров, знают только сами местные. Лица, лица, лица. Сёстры-близняшки Шэбо помогают разделывать рыбу. Блондинка Милла Бун собирает и раскладывает очищенные фрукты на большое блюдо. Она улыбается Мэту и игриво подмигивает.

Затем Рита болтает о своей молодости, пересказывает какие-то старые истории. И его это совершенно не напрягает. Если раньше он мог вполне циничным образом оборвать собеседника посреди пространной и скучнейшей байки, то сейчас писатель просто слушает, потому что ему нравится. Его захватывает общая эйфория от скопления людей, все эмоции которых направлены лишь на радость близким и окружающим людям.

И вот, когда у Мэта уже кружится голова, суе постепенно начинает сходить на нет. Последние приготовления за-

вершаются, люди собираются плотнее. Стихают последние громкие разговоры.

Он замечает с одной стороны пока ещё не разведённого костра внушительных размеров нечто похожее на небольшой помост.

Голос стихают окончательно. Все смотрят в одну точку.

— Мои родные!

Мэтью слегка подскакивает на месте — он каким-то образом пропускает момент, когда на импровизированной сцене появляется фигура. Звучный голос раздаётся в полной тишине. Мэта поражает его сила с первых слов.

— Славный день!

Мужчина высокий и плечистый. Прямая осанка и общая подача — его фигура и голос просто созданы для театра. Волосы прямые до плеч, на лице ухоженная небольшая борода без усов. На ногах обычные плетёные сандалии. Он одет в самые простые хлопковые штаны бежевого цвета и мантию, видимо, из той же ткани. Торс голый, накидка прикрывает спину и плечи, но спереди тело открыто. Он выглядит как любой житель острова. Говорит, едва жестикулируя, но каждое движение, кажется, даёт энергию зрителям. С первых звуков многие кивают в такт его рукам или словам.

Мэтью видел таких много раз. Мог бы сказать, что это очередной доморощенный актёр, нашедший свою аудиторию. Он, бывало, даже ругался с подобными на вечеринках или раутах.

Однако в этом мужчине всё подкрепляется какой-то... аурой. Мэт просто не может подобрать другого слова.

Его хочется слушать и слышать. Он говорит действительно важные вещи. Да, всё именно так. Владелец такой энергетики просто не может не влиять на людей и не привлекать. Его слова не могут не нести смысла.

— Славный день! — подхватывает толпа.

Мэт даже вздрагивает. Люди кричат в едином порыве, одной волной. Человек на сцене дружески и очень искренне улыбается.

— Наш ужин сегодня по-настоящему праздничный. Мы проделали вместе с вами огромную, непосильную работу. Мы вместе обливались потом. Вместе коротали часы отдыха. Держались друг за друга в плохие дни и хорошие дни. — Пауза. — Но, как мы знаем, все дни на этом свете славные!

— Да! — вопит толпа.

— К нам вернулся наш близкий!

Говард взмахивает рукой. Сзади выходит именно тот человек, который прибыл вместе с Мэтью. Его глаза невольно округляются. Он ведь даже не придал вначале значения тому, что за люди могут составлять ему компанию. Одет парень был в тот момент не вызывающе, впрочем, как и сейчас. Подобная одежда выглядит обыденно, что в цивилизованном городе, что на острове.

— Он закончил свою работу в большом мире. Сделал большое дело. Важное дело! Он! Помог сделать шаг вперёд

на пути к добру и свету. Он! Заслужил нашу благодарность. Вы сами знаете, какова жизнь там, на континенте. Он! Справился и вернулся на наш благословенный остров! Соскучился?

Переход от зрителей к главному гостю, когда Говард задаёт вопрос, оказывается очень неожиданным для всех. Его интонация меняется, становится мягче, будто обращается к любимому сыну, с которым давно не виделся.

— Да, Говард. Я очень скучал по родным, по дому!

— Он дома! Так давайте же примем его назад. Встретим с объятиями, как вернувшегося с войны! Позволим отдохнуть и всласть наестся дарами острова. Пища здесь чиста, а воздух свеж. Нет у нас ядовитых испарений большого мира, грязной воды. Мы живём в единстве с природой. Она даёт нам и кров, и заботу. Славный день!

— Славный день!

Костёр вспыхивает, словно сам по себе, в одно мгновение. Мэт жмурится от подобной вспышки. Солнце успевает прикоснуться к горизонту, глубоко ныряя за его пределы. Пламя, появляясь ровно в ту секунду, когда уходит последний лучик, бьёт по глазам яркой вспышкой.

В процессе приготовления дров он совершенно не заметил ничего похожего на пиротехнику. Никто не клал зажигательных смесей, не обливал хворост керосином, ни один человек даже спички не принёс. И в момент воспламенения никто не стоял рядом! Но костёр полыхает — живое пламя

пожирает поленья, словно изголодавшийся зверь.

И никого, кроме Мэта, это больше не удивляет. Он трясет головой.

— Послезавтра я вознагражу нашего брата, совершившего подвиг и возвратившегося домой, — продолжает Говард. — Пусть сейчас веселится и отдыхает с нами. Ест и пьёт, и смеётся. Скоро ты станешь совершенным. Мы поможем тебе в этом!

И тут происходит немыслимое. Мэт заморожено смотрит, открыв рот, и не может пошевелиться. Все его чувства говорят, что это иллюзия, обман зрения. Но сердце колотится, заменяя собой бой барабанов. Он хочет кричать, но голос вдруг иссякает, как вода в пересохшем колодце. Нигде и никогда он не мог себе вообразить, что на свете есть место чудесам.

И никто не произносит ни звука.

Говард поднимается над толпой — медленно взлетает, раскинув руки и откинув голову, словно чистейшая душа возносится на небо. Он глядит на своих родных, как сам их называет, и улыбается. Его глаза излучают голубоватый свет, озаряя ответные улыбки на всех без исключения лицах. Вот он уже в метре над землёй, благословляет, делая жест рукой, повторяя очертания непонятого оберега.

И они радуются. Тянут к нему руки, ладонями вверх, кричат «Славный день!», смеются.

Мэт с ещё большим ужасом понимает, что это не экс-

таз, не религиозный транс, совсем нет! Всё выглядит... естественно. Именно так и проходит каждый общий ужин в этой странной общине со своим собственным богом. Люди настолько привыкли к чуду, что просто благодарят его, отдают часть своей любви в обмен на возможность видеть это каждую неделю, прикоснуться к нему, причаститься им.

И вдруг всё заканчивается. Мэт непонимающе качает головой в полной прострации.

А Говард уже среди толпы. Идёт сквозь них, пожимает руки, обнимается, здоровается, улыбается. И никто не бежит в панике, не падает на колени, не целует его ладоней. Будто он просто давно не заглядывал в гости какое-то время.

Подбегает Кэтти, тормошит за плечо. Мэт фокусируется на её лице, но так и не может произнести ни слова.

— Эй, я же говорила! Ты обязан был увидеть его!

— Я... Я...

Голос дрожит. Он делает глубокий вдох. Судорожно пьёт из подвернувшейся под руку чашки. Кашляет.

— Что?..

— Это Говард. Он у нас главный. И староста посёлка, и духовный наставник. Давай, приходи в себя. Всё хорошо!

Мэт хочет верить, что это просто трюк. Некий фокус, чтобы поразить людей, заставить их поклоняться. Но тревожная мысль занозой торчит в сознании — пока он ещё в сознании — и становится всё настойчивее.

«Чудо. Не может быть, но есть. Прямо тут, рядом,

только руку протяни!»

— Я вас познакомлю! Не бойся. Ты же со мной, так что почти часть семьи. Снова.

А она уже тащит его за руку сквозь толпу. Там стоят люди — они беспечно болтают с человеком, который совершил самую настоящую магию на их глазах. Рассказывают какие-то истории, что-то про урожай.

— Говард! — Кэтти говорит в такой момент, чтобы не перебить никого ненароком. — Это Мэтью. Он мой старый друг, приехал вчера утром.

Говард просто протягивает ладонь с улыбкой.

— Мне... очень приятно. — Мэт пожимает: крепкая и жёсткая, будто человек физически работает руками каждый день.

Никак не похож он вблизи на шарлатана, фокусами собирающего толпу. Не обманщик-священник, не колдун-вуду — простой рабочий человек.

— Очень приятно, Мэтью. Добро пожаловать.

— Спасибо. Я поражён... Я никогда не видел ничего подобного!

— Давайте все вопросы потом, прошу вас. — Его тон совершенно обыденный. Нет в нём ни нотки высокомерия или ощущения собственного превосходства. Человек. — Мы простые люди, как вы могли заметить. Если хотите что-то обсудить, тогда приходите завтра в гости.

— Спасибо! Конечно! Я приду!

Как-то естественно их разделяет толпа. Подходят другие, задают Говарду насущные вопросы, а Кэтти тянет Мэта в сторону.

Она щебечет что-то о еде, о том, что кто-то сказал, и что ответил другой.

— Кей... Что это было?

— Ох, Мэтти, ты так потрясён! — Смеётся. — Брось. Завтра пообщаешься с ним сам, увидишь, что Говард самый обычный человек.

— Обычный? Обычный?!

— Всё хорошо. — Она обнимает его. — Надо отдохнуть. Ты не голоден?

— Нет, не очень, давай лучше выпьем.

— Тут есть игристый... сок, — отвечает девушка, вынимая бутылку из плетёной корзины.

Мэт берёт посуду, и они распивают удивительный напиток. По вкусу он похож на вино, только очень сладкое, и совсем не отдаёт алкоголем.

У костра группа людей начинает странный танец, прыгая и импульсивно дёргая руками в разные стороны. Рядом пламя поменьше: чтобы жарить рыбу и овощи. Мэт чувствует себя не в своей тарелке.

После второй чашки появляется лёгкость в конечностях и голове.

Писатель замечает, что некоторые прыгают через костёр. Он достаточно большой, и сложно представить, как без

травм совершить такой прыжок. Среди людей мальчик по имени Бёрд. Мэт с тревогой понимает, что рост и физические способности ребёнка явно не позволят перепрыгнуть через высоченное пламя. А пока что трезвый мозг Майерса отмечает недовольные взгляды, которые люди, стоящие рядом, бросают на паренька.

Но тут он прыгает.

Мэт дёргается вперёд, на помощь.

И видит, что тот буквально проходит сквозь огонь и приземляется, как ни в чём не бывало. Шок вперемешку с удивлением окончательно накрывают писателя.

— С тобой всё в порядке? — Кэтти тревожным голосом обращается к возлюбленному, тряся его за плечо.

— Да, я просто устал, — механически отвечает Мэт.

— Знаешь, в первый раз я тоже испугалась. Сложно принять или даже осознать, что такое возможно. — Кей говорит слишком спокойно. — Просто раньше мы все жили в ограниченной среде, зажатые рамками несовершенного восприятия. А тут всё иначе.

«Ты что несёшь?»

— У меня очень много вопросов, — проглатывая некоторые буквы от головокружения, выдаёт Мэтью.

— Знаю, милый, но потерпи ещё чуть-чуть.

Девушка прижимается к его груди, обнимая за талию.

Они идут под усыпанным звёздами небом по узкой тропинке, на которой в ширину поместится едва ли пара че-

ловек. Мэт погружается в свои мысли и домыслы, пытаясь найти адекватное объяснение всему происходящему. Однако лёгкое опьянение и нервное напряжение не дают сосредоточиться.

— Скажи, ты ведь не бросишь меня тут одну? — неожиданно спрашивает Кэтти.

— Что?

— Ты бросишь меня?

— Конечно, нет! Я надеялся уехать отсюда с тобой.

— А если я не хочу уезжать? Если я хочу, чтобы ты остался?

— Я точно тебя не брошу.

Мэтью целует в лоб свою половинку, чётко давая понять, что не настроен на расставание.

Глава 4

Квартира Мэтью и Кэтрин располагалась недалеко от центрального парка. Конечно, аренда ощутимо отражалась на семейном бюджете, однако гонораров с продажи книг хватало. В течение 2016 года Майерс выпустил два романа. До него доходили слухи о возможной экранизации произведений. Это не могло не радовать. Однако коммерческий успех не был основной целью.

Мэту очень нравился сам процесс работы над книгой. Гончар из куска глины делает вазу. Художник создаёт неповторимой красоты пейзаж на белоснежном холсте. Скульптор превращает бесформенный булыжник в прекрасную богиню. И только писатель может творить из воздуха — он берёт мысль из призрачного и неосязаемого эфира и облакает в плоть. Бумага и ручка, клавиатура и экран — лишь инструменты. Конечное произведение много раз меняет формат из электронного в бумажный и обратно перед тем, как попасть на прилавок. Постепенно подбирая слова, он изливал свои мысли на бумагу, иногда подолгу раздумывая над одной фразой, чтобы превратить её в идеальную словоформу.

Успех кружил голову только в самом начале. А затем парень стал принимать всё как должное. Филологическое образование помогло ему превратить скучные истории в по-на-

стоящему захватывающие вещи. Мелкие детали и отсылки, удачно подобранные слова и стилистические фишки вместе гарантировали успех. Естественно, даже самое острое и отлично написанное произведение не могло стать хитом, если его родил на свет бездарный автор. Однако в Мэтью было что-то уникальное. Тот самый писательский чертёнок, прячущийся внутри, и делал его неплохим романистом.

А ещё писательство было намного лучше просиживания штанов в офисе, в мучительном ожидании конца рабочего дня. В таком деле, как сочинение историй, чем больше времени можешь посвятить работе, тем лучше и интереснее.

Кэтрин за последние годы успела перепробовать множество профессий. Она подрабатывала в кафе, посещала кулинарные курсы, пробовала себя в музыке, но в итоге вспомнила об изобразительном искусстве. Девушка знала, что когда-то в детстве Мэт отлично рисовал, но менять специальность естественно не требовала. Однако попросила преподавать ей пару уроков. Понятное дело, он не мог дать знаний профессионального уровня, потому как попросту не владел ими. Но элементарные базовые вещи всё же получилось донести.

В то время она готовила серию картин для выставки в одной из галерей города. Владельцем выставочного зала был знакомый Майерса, который оценил работы мисс Суон достаточно высоко.

В конце августа Мэта пригласили на переговоры по по-

воду экранизации его романа. То были долгие переговоры. Адаптация книги под сценарий оказалась крайне сложным моментом. Дело в том, что у режиссера и продюсера были свои сценаристы. Мэтью же виделось, будто они перевернули историю таким образом, что суть, закладываемая изначально, совершенно потерялась. Более того, были вырезаны важные моменты, а добавлена — крошечная чушь. Он хотел сам адаптировать книгу. Сошлись на том, что он предложит свой вариант, стороны ознакомятся и, в случае положительной оценки, примут именно его. Мэту было совсем не страшно упустить подобную возможность. Он считал, что если даже эти люди и откажутся от сделки, когда-нибудь найдутся иные, кто захочет снять качественный фильм, полностью отражая все нюансы рукописи.

В тот вечер уставший Мэтью Майерс вернулся домой раньше обычного. Дом окутывала непроницаемая тишина.

Кэтти не было.

Может, вышла в магазин, может, уехала по работе, Мэт не знал.

На смс она не отвечала. Бездушный голос в телефонной трубке твердил единственную фразу: «Аппарат абонента выключен или временно не доступен».

Сутки спустя Мэт написал заявление о пропаже девушки в полицию. После обращался к частным детективам. Никто не мог ему помочь.

Она просто испарилась.

Все деньги с её счёта были сняты, а значит, покупки оплачивались наличными. Если она вообще что-то покупала.

В их жизни всё было хорошо, они искренне любили друг друга, и Мэт не мог допустить мысли, что его Кей сбежала.

Он сломался. Перестал различать цвета. Начал пить.

Не мог больше писать.

Книгу экранизировали без его участия. Единственным плюсом в том фильме был гонорар. Денег вполне хватало, чтобы вообще не работать. Сутки, недели и месяцы лепились в один горький похмельный ком. Потянулись дни, когда после бессонной ночи, совершенно не видя смысла в жизни, он пил с утра.

Со временем он перестал видаться со знакомыми, появляться на всевозможных литературных мероприятиях. Телефон всё реже звонил.

Примерно через год он полностью принял тот факт, что оставшуюся жизнь проживёт в одиночестве. Мэт стал асоциальным. Кэтрин не возвращалась. В какой-то момент понял, что надо что-то менять.

И просто отпустил. Конечно, забыть было невозможно, однако он начал выбираться в город, перестал пить.

Безусловно, если вдруг когда-то — пусть через год, пусть через десять лет — появился бы какой-нибудь, хоть самый маленький шанс вновь увидеть любимую, он обязательно сделал бы всё, что в его силах, чтобы это случилось. Самое невыносимое в такой ситуации, это чувство неизвестности.

Мэт совершенно не понимал и даже не предполагал, что произошло, и почему она пропала. Если бы была записка, в которой Кэтти поясняла, что они расстаются, и она уезжает навсегда, Мэту стало бы намного легче.

Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Так или иначе, ему не удалось вернуться в литературные круги. Боль утраты постепенно уходила на второй план, но всё время оставалась в мыслях. Писать Мэтью так и не начал, лишь продвигал уже написанные произведения. Интерес к его творчеству не угасал среди поклонников, однако Мэт не мог дать ничего нового, и это вызывало негодование.

И так всё тянулось до того самого момента, пока почтальон не позвонил в дверь.

Птицы щебечут слишком громко, и Мэт просыпается. Какое-то время он просто лежит и вспоминает. Сравнивает ощущения недельной давности.

Он уже возвёл в мечту то, что когда-нибудь вновь будет просыпаться рядом с Кей.

Из соседней комнаты доносится стук ножа. Видимо, спал он настолько крепко, что даже не слышал, как его возлюбленная покинула постель. Скорее всего, это из-за эмоционального потрясения, от того, что видел минувшим вечером. Единственное объяснение, которое приходит в голову — фо-

кус. Хорошо продуманный и тщательно подготовленный фокус.

«Слишком много загадок, слишком много непонятного»

Сегодня Мэт намеревается получить ответы если не на все, то хотя бы на большую часть интересующих его вопросов.

— Доброе утро! — радостно приветствует Кэтти.

— Угу, доброе.

— Ты не в духе?

— Нет, всё в порядке, просто пока ещё не проснулся.

— Я сделала нам завтрак! — Кей ставит тарелку с нарезанными фруктами на стол.

— Мне кажется, уже тысяча лет прошла с того момента, как ты готовила мне завтрак в последний раз.

Он вдруг чувствует ностальгию, и та отражается лёгкой улыбкой. Ещё понимает, что задавать сейчас вопросы не имеет смысла. Однако Кэтти сама нарушает молчание и поднимает тему:

— К Говарду пойдёшь один.

— Почему?

— Ну, во-первых, мне нечего делать в разговоре двух мужчин. Во-вторых, сегодня я иду на сбор урожая. В-третьих, каждый должен говорить с ним наедине.

— С тобой мне было бы как-то спокойней.

— Ты справишься, не переживай. Говард очень хороший и душевный человек.

— И как долго ты будешь на, э-э, работе?

— Вернусь к вечеру, не поздно. Думаю, мы будем дома примерно в одно время.

Позавтракав, они выходят, держась за руки, и направляются вглубь острова по одной из многочисленных дорожек.

— Почему ты не заперла дверь?

— А зачем?

— Странный вопрос. Ну, вдруг кто залезет?

— Ах-ах-а, у меня и брать-то нечего! Да и кому это надо? Есть же оберег, этого более чем достаточно.

— Висюлька защитит от воров?

— От всех недругов, — с поразительной уверенностью следует ответ.

Они доходят до границы, где посёлок переходит в джунгли. Чуть в стороне от всех домов, в глубине леса, еле виднеется высокая хижина. Она отличается от остальных формой и размерами. Пока видно только крышу над деревьями. Либо это огромное строение в несколько этажей, либо там возвышенность.

— Ну, ты понял, куда идти. — Кэтти целует его в уголок губ и скрывается в джунглях, не дожидаясь ответа.

Несколько секунд недоумения, и Мэтью трогается в нужную сторону. Отсюда начинается небольшой подъём, и вдобавок дом стоит не на фундаменте, а на деревянных сваях, установленных по периметру. Таким образом, издали строение и кажется выше. Скорее всего, так сделали, чтобы

животные не смогли проникнуть внутрь. Хотя, кто знает, что в голове у хозяина этого сооружения.

От входа до земли чуть больше двух метров. Деревянная лестница без перил. Мэтью осторожными шагами переступает по ступенькам.

Когда он преодолевает больше половины, дверь резко открывается, и Мэт чуть ли не падает от неожиданности. Сердце стучит быстрее. Он уверен, что не издал ни единого звука. Услышать приближение гостя было просто невозможно!

— Здравствуй, дорогой! Славный день! — Говард широким жестом приглашает его.

Мэт оказывается внутри и застывает в нерешительности. На первый взгляд, здесь нет ничего необычного. Простая мебель, кажется, самодельная. Полки с книгами. Какие-то картины с пейзажами на стенах. Только комнат больше, и каждая за закрытой дверью.

— Как у вас тут всё... просто.

— А ты ожидал чего-то другого?

Переход на «ты» происходит сам по себе совершенно естественно, и Мэтью просто не придаёт этому значения. Говард проходит вперёд, присаживается в кресло и приглашает гостя сделать так же.

Они общаются достаточно долго. Писатель полностью теряет счёт времени. Его интересует всё и сразу: мысли путаются, некоторые вопросы вылетают из головы, потом возвращаются, но уже в новой форме и с другим подтекстом. Всё,

так или иначе, сходится в одну точку — туда, где всё началось.

Говард касается ладонью лба Мэтью и...

Первое моё осознанное воспоминание — это грязная улица. И оно самое яркое. Когда вырос, я понял, что так быть не должно. Всё, что мы наблюдаем в кино и читаем в книгах, все яркие картинки довольной сытой и счастливой жизни — всё ложь.

С раннего детства я тянулся к магии и чудесам, жаждал их, чтобы хоть слегка развеять тоску серой жизни в трущобах, где родился. Но затем повзрослел, и иллюзии развеялись. Непосредственный детский ум очерствел, и время было упущено, чтобы идти другой дорогой. И я был очень упрям.

Я посмотрел на себя в зеркало. Уставший взгляд, тёмные круги, впалые щёки.

«Говард Кинг! Единственный избранный иллюзионист современности! Оригинальное шоу прямиком из глубин бессознательного! Спешите увидеть — и никогда не забудете!»

Эти приукрашенные слова собственной афиши я помнил наизусть.

Не хотелось признавать очевидный факт. Для меня шоу всегда было великолепным, и, ни много ни мало, великим. Упёртый характер попросту не позволял мне думать как-то иначе про дело всей жизни.

На самом деле, фокусник я был посредственный. Ни пол-

ных залов, ни огромных денег. Мир глянцевого шоу не принял меня.

В мечтах я видел себя другим. Представлял, как люди смотрят на меня — мага и волшебника, которому по плечу любые трюки. Во снах видел, как цветы устилали сцену, и зал рукоплескал! Поклонницы сходили с ума. Кто-то безумно хотел автограф, другие жаждали лишь прикоснуться к полам плаща. Этого было достаточно для них, для фанатов, чтобы потом рассказывать всем: «Я! Я прикоснулся к Нему!».

Но это были лишь мечты.

Настоящий Говард Кинг вот, сидит и топит тоску в алкоголь. Я потерял все надежды, а мечты рассыпались пеплом.

Я попал в неприятности, занял очень хорошую сумму у очень влиятельных людей. История хоть и банальна, зато правдива. Тёмные люди пришли за своими деньгами, а у меня их не было. Всё было кончено.

Человеческая натура и инстинкт самосохранения не позволили сдаться так просто. Я сбежал. Скрывался в мрачных городишках, на узких улочках, где обитали только отбросы общества. Кто-то помогал, кто-то прогонял. И так я скитался долгие два года, пытаясь спрятаться как можно дальше от родного дома.

А затем в одном из баров где-то в Гондурасе мне повстречался человек, который перевернул мою жизнь. Я поделился

своей историей, и он предложил выход.

Я узнал про остров. Малонаселённый, без даров цивилизации, куда практически никто не приезжает и не уезжает. Там никто никогда не должен был меня найти. И в тот момент, уставший от гнусной и грязной жизни, поставив всё на кон, я отправился на тот позабытый клочок земли.

О, какое было время!

Я влюбился в это место сразу. Неописуемая красота тропиков и гостеприимство местных жителей покорили меня, и я остался. Обжился. И спустя несколько беспечных месяцев проживания где-то в глубине леса я встретился с Всевышним!

Устроил ночлег на берегу небольшого озера, потому что сказочная идиллия буквально просила меня сделать это. И я услышал и увидел кого-то, кто гораздо могущественней человека. И Он отвечал мне!

Я узнал многое. Получил чёткие указания, что и как нужно сделать, чтобы овладеть всеми силами. Я переродился!

Мне была дарована невероятная сила!

Я увидел мир по-новому. И решил остаться. И пошёл показать свою мощь людям, которые нуждались в ней, ведь они так устали от грязи этого мира и ужасов, что творит человечество. Я верю, что скоро смогу вылечить весь мир.

...Мэтью покидает хижину, когда солнце уже клонится к закату. Писатель потерянно бредёт по недолгой тропе в посёлок и пытается осмыслить всё, что Говард сказал и показал

ему. А тот не скрывал ничего.

Слова для Мэта всегда были рабочим инструментом. Просто словам он бы ни за что не поверил. Тогда Говард предложил ему проверку.

На его ладони загорелся небольшой огонёк. Самое настоящее обжигающее пламя! И в следующую секунду рукотворный огонь перестал жечь по воле владельца. Мэтью пробовал пальцем и убеждался сам. И при всех этих действиях с губ старосты не сходила добрая отеческая улыбка.

Каждый, кто попадает на остров, имеет жизненную цель, которая, в конце концов, должна привести к всеобщему изменению мира в лучшую сторону.

Лишь на один вопрос писатель не получил ответ — как сюда попала Кэтти. Говард поклялся, что скоро расскажет, надо просто немного подождать, когда наступит подходящее время.

Сейчас поражённый до глубины души Мэт — современный писатель Мэтью Майерс со сломанным вконец скепсисом и раздавленным чувством реальности — окончательно осознаёт, что не помнит деталей разговора. Нет, он припоминает, что, вроде, говорил сам. И что, кажется, отвечал Говард. Общая суть, отдельные фразы. Он понимает теперь концепцию жизни их маленькой общины, основные правила поведения. То, что они считают верованием. Сила Острова. Дух Острова. Именно с большой буквы, да.

Он не помнит, после каких именно изречений принял ре-

шение. Но чётко слышит свои собственные слова: «Я остаюсь у вас пока что. Не хочу покидать Кэтти. Я люблю её». И Говард с широкой улыбкой, которая, кажется, никогда не покидает его лица, просто положительно кивает в ответ.

«Ты не пожалеешь, Мэтью»

«Тебе ещё столько нужно узнать и понять»

«Скоро ты ощутишь, что тоже проникся любовью к Острову»

«Ты тоже станешь частью Острова»

Эти фразы остаются в его голове. Он боится и, вместе с тем, ликует. Обескуражен и возвышен. Сломан и собран заново.

Голова идёт кругом, и Мэт опирается о дерево. Закрывает глаза. Переводит дыхание.

В сумерках добирается до дома Кэтти. Она уже готовит ужин, мурлыча какую-то мелодию под нос. Он слышит её через распахнутое окно. И тоже улыбается.

В этот момент его уже не тревожит тот факт, что жители Острова не имеют в домах ни ламп, ни светильников. Есть только свечи, которые они делают сами, но из-за ограниченного количества просто так использовать их нельзя. Во всём посёлке есть фонари, но на улице. Потому с наступлением ночи все без исключения жилища погружаются во мрак. И это правильно. Ночь дана для отдыха, а светлый день для работы.

У него в голове остаётся лишь образ Говарда в ореоле си-

лы и голубого свечения, его тепло и доброжелательность. И слова.

Сила Острова.

Дух Острова.

Глава 5

В голове Мэтью мысли превращаются в клубок ниток, который он пытается распутать до того момента, как они оба ложатся в постель. После долгих раздумий, наконец, засыпает.

Посреди ночи его мучает жажда. Во рту так сухо, что язык трёт нёбо. Он в полудрёме идёт на кухню и залпом выпивает половину глиняного графина с родниковой водой. Возвращается в комнату.

Кэтти нет на месте.

Лёгкая паника царапает стенки сознания. Сдерживается. Наверное, он остаётся таким спокойным, потому что понимает — с Острова просто так никуда не деться. А может, неосознанно подавляет мысль, что Кей могла исчезнуть вновь.

Он не находит её ни на заднем дворе, ни перед домом. Насколько всё было бы легче, будь у девушки мобильник. Возвращается в дом, внимательно осматривается. Никаких следов, все вещи на месте. Делает вывод, что она ушла по собственной воле. Вопрос в том — куда?

Естественно, уснуть уже никак не получится, потому что Мэт берёт свой блокнот и фонарик. На веранде он находит умиротворение. Отвлекается от лишних мыслей. От океана веет вдохновением, и Мэтью принимается писать. Фиксирует всё,

что происходило с момента последней записи.

В этот раз получаются не просто заметки. Текст уже больше похож на художественное повествование. Писательское мастерство плавно возвращается в голову и руки. Неожиданный прилив вдохновения уносит так далеко в недра сознания, что он просто забывает обо всём. Полнейшая концентрация над изложением не позволяет даже заметить, что небо вальяжно градирует от тёмно-синего к блекло-голубому, и вот-вот светило выйдет на новый круг.

— Я думала, ты ещё спишь, — неожиданно голос Кэтрин вырывает Мэтью из писательского транса.

— Где ты была? — Он сердит, но старается сдерживаться и говорить твёрдо и размеренно.

Аккуратно откладывает блокнот. Кладёт рядом ручку. Поправляет.

— Только не нервничай, — просит она, нежно раскрывая объятия, чтобы успокоить его.

— Когда мне говорят «не нервничай», я только сильнее начинаю нервничать! — Мэтью слегка повышает тон.

— Я не могу пока сказать, — сдаётся она, опуская голову. — И никто не скажет. Потому не спрашивай.

— Да что опять за тайны?! — Вскрикивает. — Меня это по-настоящему бесит! Прошло целых три года. Не я виноват в этом. Но я приехал к тебе! Нахожусь от дома в четырёх тысячах километров. Без связи с внешним миром. У чёрта на рогах. А ты делаешь вид, будто ничего и не было! И опять

мне говоришь, что ничего не расскажешь. — Переводит дыхание. — Что я должен сделать, чтобы стать частью вашей «семьи»? — Его голос держится на самой грани нервного крика.

— Милый, прошу тебя... Не ругайся. Я правда не могу. — Кей тянется к нему. — Обещаю, ты узнаешь всё совсем скоро! Но не сейчас. Ты ещё не готов.

— Так, может, поможешь мне подготовиться, чтобы как-то ускорить этот процесс?

— Прости... — Не дожидаясь ответа, она берёт обеими ладонями его голову и целует, не позволяя произнести больше ни звука. — Мне нужно выспаться.

Кэтти уходит в дом, оставляя возлюбленного одного со всем грузом недосказанности.

Его плечи опускаются.

Просто не знает, что делать. Нервозность проходит. От осознания собственного бессилия вытянуть хоть какую-то информацию ему становится тоскливо. Нет, он совершенно не намерен сдаваться, просто нужен другой подход. Либо другой человек, который сможет раскрыть все карты.

Пока не стало слишком жарко, писатель принимает решение прогуляться — ему просто необходимо развеять мысли. Посёлок постепенно просыпается, людей совсем не много, но они есть. Видимо Кэтрин не одна сегодня ночью предпочла бодрствовать.

Мэт выходит к окраине и застывает. Не может заставить

себя переступить границу тропического леса. Оттуда веет какой-то мрачной прохладой. Очень мало света. Из тени деревьев тянет, будто сквозняком, предчувствием неизведанного. Это вызывает лёгкую тревогу.

Он успокаивает себя мыслью, что не знает, какие животные там водятся, потому решает идти обратно, на берег.

Пляж выглядит так, будто его нарисовали с помощью самых современных графических редакторов. Он слишком совершенен, чтобы быть настоящим. Тут нет ни мусора, ни водорослей, ни тины, ни высохших брёвен, принесённых волнами. Мэтью бредёт вдоль воды в сторону от поселения, чтобы ничего не мешало наслаждаться видом. Останавливается далеко за поворотом пляжа. Абсолютно пустой берег в обе стороны, насколько возможно разглядеть. Молочно-белый песок передаёт солнечное тепло в оголённые стопы. Бесконечный океан где-то там, вдали, незаметно глазу соединяется с небом. Мэтью вдруг посещает необычное ощущение: такое бывает, если смотреть на нечто необычайно большое, как горы, например, или если оказаться в открытом море. Осознание, насколько же Земля и вся Вселенная непередаваемо огромны, а ничтожное человеческое существо — микроскопическая частица пыли. Дух захватывает! Скорее всего, такая романтика со временем проходит, если видеть подобное ежедневно. Однако пока писатель может этим наслаждаться, он не хочет терять возможности.

— Привет, мистер! — Детский голосок раздаётся со спи-

ны, но Мэт даже не дёргается.

— Привет. Не заметил, как ты подошёл.

Действительно, он с удивлением понимает, что, кажется, попросту привык к столь неожиданному появлению этого паренька.

— Испугался? — На лице Бёрда хитрая усмешка.

— Нет, — Мэтью улыбается в ответ. — Просто не ожидал тебя встретить здесь.

Мальчик садится на песок. На нём только выцветшие и изрядно затасканные шорты.

— А ты почему один гуляешь?

— Ха! Знаешь, я могу спросить то же самое! — Мэт садится рядом.

— Если ты обидишь Кэтти, будешь иметь дело со мной! — неожиданно выдаёт сорванец.

— И в мыслях не было! Я даже если сильно захочу, не смогу этого сделать. Просто... Мы слишком долго... не были вместе.

— Почему? Вы расставались?

— Можно сказать и так.

— А теперь снова вместе?

— Да. И это самый счастливый момент в моей жизни!

Мэт не врёт. Весь мир для него — улыбка Кэтти, когда встретил её вновь. И он больше не намерен оставлять любимую одну.

Бёрд молчит и с непонятной грустью смотрит на океан.

Затем, видимо, решает разбавить слегка затянувшееся молчание.

— А почему тебя не было со всеми ночью?

Писатель сражён наповал, но сразу же цепляется за ниточку в разговоре. Старается говорить осторожно, подбирая слова, чтобы не спугнуть:

— Э-эм, меня не предупредили. Вот. А что, было что-то особенное?

— Нет, на самом деле. Наверное, и правильно, что не пошёл. Готовились просто. Ну, я помочь и не мог, конечно... Взрослые работали.

— Я просто так и не понял, что намечается.

— Ты что, вообще не слушал, что говорил Говард?

— Ну-у, он много чего говорил...

— Эх, — вздыхает мальчишка, махнув рукой. — Он же ясно сказал, ближайшей ночью будут посвящать того парня, который сделал Большое Дело. Он старался для всех нас, потому его нужно вознаградить!

— А, точно! И я так понимаю, что проходить всё будет там же... у озера?

— Где ж ещё? — Бёрд поражается наивности Мэта, что на руку писателю.

— Так, а что всё-таки вы делали ночью?

— Ну, готовились. Думаешь, это так просто и быстро? — кажется, мальчик начинает нервничать от глупости собеседника.

— Да я понял! Просто подумал, вдруг нечто новенькое.

— Ясное дело, что не новенькое, — передразнивает пацан. — Но и не каждый день Говард кого-нибудь «возвышает».

— Знаешь, я человек ещё неопытный, так что, может, расскажешь подробнее? Ну, как он «возвышает»?

— Не, сейчас точно никак. Я спешу, — обрывает парнишка, потирая нос. Резко встаёт и направляется в сторону от деревни.

— Эй, ты куда?

— Домой.

— Но посёлок там. — Указывает рукой.

— А мой дом на другой стороне Острова.

— Так тут есть ещё поселение? — Мэт потрясённо вскакивает.

— Дошло, наконец! Правда, нас там немного, а из детей я вообще единственный. Потому и приходится ходить сюда, чтобы поиграть с другими ребятами. Хотя... им не очень то нравится...

— Интересно.

— Ладно, мистер, мне пора.

Махнув рукой, Бёрд уверенно идёт прочь. Невольно складывается ощущение, будто он совсем не утопает в песке. Наверное, просто привычка. Это Мэт — дитя цивилизации, а парнишка вырос здесь.

«Как давно он тут? Год, два, всю жизнь?»

— Эй, подожди! — кричит писатель, и Бёрд оборачивается. — Слушай, мне на самом деле нужна небольшая экскурсия. Я пока мало где был. Может, покажешь мне как-нибудь, что да как тут у вас?

— Ну, может.

— Тогда давай завтра в это же время здесь и встретимся?

— Посмотрим! — отвечает Бёрд. В действительности, он очень рад, что нашёл нового приятеля, но не признаётся в этом.

Мэтью возвращается домой, переваривая полученную информацию. Миллион мыслей роится в голове. Всё слишком запутано, сплошные загадки и недомолвки. Никто не говорит ему, что происходит. И больше всего его нервирует поведение Кэтти. Казалось бы, она единственный якорь, который держит его здесь. И её позиция попросту сбивает с толку. Да, чудеса Говарда поражают воображение. Хочется узнать всё. Все тайны Острова. И ведь сам уже сказал, что хочет остаться...

Мэт путается всё больше и больше.

Он сидит на веранде. День тянется долго и скучно. Удаётся даже немного вздремнуть прямо там. Он принципиально не разговаривает с Кэтти. По лицу видно, что ей тягостно даётся такое отношение. Однако она не делает попыток заговорить первой. Будто ждёт, пока Мэтью остынет. Складывается ощущение, что ей даже не сильно важно присутствие возлюбленного. Однако он отгоняет эти мысли прочь. Нет,

уверен, что Кей любит его. Что нужен ей.

Однако девушка явно стала другой за время их разлуки. Внешне всё по-прежнему, но вот мировоззрение, отношение к жизни и характер претерпели некоторые изменения. Той страсти и трепета, что бывает после длительного расставания, хватило только на первый день. Кэтрин ведёт себя так, словно всё это время они были вместе, что всё оставалось хорошо, и они просто переехали вместе на Остров.

Мэт перебирает в голове варианты, как уговорить её вернуться в город. И ничего не может придумать, потому что совершенно не понимает, с чем имеет дело.

Солнце заваливается за горизонт. Он не двигается с места. На чёрном полотне теперь властвует невероятных размеров луна. Она в последней фазе и максимально близко к Земле.

Кэтрин предлагает лечь спать, и Мэтью поддерживает идею, хотя прекрасно понимает, что ни один из них этой ночью не уснёт.

Не смотря на то, что предвкушение разгадки хотя бы одной тайны заставляет перебирать все возможные и невозможные варианты развития событий, не даёт покоя пытливному уму, глаза Мэтью слипаются. Его разум погружается глубже в самого себя, и он как бы находится между сном и явью одновременно.

Писателя будит малейший шорох. Кэтти встаёт с постели. Она быстро собирается, перед выходом из спальни оборачивается, смотрит на Мэта и уходит.

Долгую минуту спустя он подскакивает, хватая уже подготовленную одежду, торопливо одевается. Очень боится не успеть, но в тоже время нельзя, чтобы Кэтрин его увидела. С другой стороны, даже если он будет обнаружен, вряд ли это уже что-то изменит.

Выбежав наружу, Мэт осознаёт, что не знает точно, куда ему надо двигаться дальше. Тут он замечает группу людей, идущих в сторону джунглей. И ещё одну, и ещё. Надеется, что в скудном освещении улочек никто не обратит внимания на чужака, примкнувшего к толпе. Постепенно вокруг собирается, по меньшей мере, человек сто пятьдесят. Сначала это пугает, но никто на него не смотрит. Мэтью сливается с толпой. Одет он так же, как и все, а в джунглях становится слишком темно, чтобы различить лицо.

Пульс в висках сливается с общими шагами. Все двигаются куда-то вглубь леса, в самое сердце Острова. В какой-то момент писатель поражается, как местные ориентируются в однообразных зарослях и уверенно идут к цели. Удивительно то, что при таком количестве людей слышны только шорканье ног и редкий-редкий шёпот. Организованность просто поражает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.